

Часть третья

НЕ ЗНАЯ УДЕРЖУ НИ В РАБСТВЕ, НИ В СВОБОДЕ

Глава XII

КОГДА УБИВАЛИ ВЕЛИКОЕ ГОСУДАРСТВО...

Муфтий Баязитов. - Строительство соборной мечети в Санкт-Петербурге. - Организация «Сырат мустаким». - В годы Первой мировой войны и Февральской революции. - Мусульманские военные части. - Притча о деревьях и крутом склоне.

1.

*Этот мир - гора, а наши поступки - выкрики;
Эхо от выкриков всегда возвращается к нам.*

Руми

Это был умный, образованный, и весьма отзывчивый человек, который имел как религиозное, так и светское образование. На одной из фотографий он стоит, опершись на стул, высокий, очень спокойный, возможно - чуть медлительный, но при том какой-то легкий, поджарый. Лицо с чертами крупными и глазами умными, справедливыми. Пожалуй, что-то от Рахметова, от Базарова, но только у тех глаза, наверное, были покостиче.

Он происходил из самой гущи мусульманского духовенства - его отец Гатаулла хазрат Баязитов, имам столичной мечети, издатель и литератор, известен был и Петербургу, и Поволжью, и на Урале и в Степном крае.

Всё, вроде бы, было за него: происхождение, образование, связи в верхах, личные способности, но и всё против него. Такие люди часто оказываются под ударом, ни для какой стороны они не свои.

В Германии, если в приходе пятидесятилетний пастырь, о нем неодобрительно говорят: «aber er ist ja noch ein junger Mann» - «он еще совсем молодой человек». Муфтием Мухаммад Сафа Баязитов стал в тридцатилетнем возрасте. Рано, очень рано. Но не возраст причина той злобы и желчи, которую вы-

плюнули на нового муфтия газетчики-прогрессисты, вовсе не возраст. Он оказался шестым и последним муфтием Российской империи, говорят, что самым неудачным из всех. Единственный из муфтиев, он был сменен со своего поста, унижен, оказался бесприданен. Его заставили испытать чувство собственной неполнопочатности, неуверенности, ненужности. Единственный из муфтиев, уже при советской власти, он был арестован, сослан и умер в лагерях.

Платить ему пришлось дорого. А за что же, собственно, пришлось платить? За то, что он, как и его отец, блестящий и образованный человек, не жалея себя, служил Отечеству? Хотя, ведь как тогда говорилось: «Царю и Отечеству». В этом, возможно, и была его главная вина.

О его отце, Гатаулле Баязитове, мы ранее уже говорили. Известный публицист и улем, в начале 1870-х годов Гатаулла Баязитов был приглашен в Петербург, где возглавил Второй мусульманский приход, изучил в совершенстве русский язык, вошел в круг столичной интеллигенции, был назначен военным ахуном Петербургского гарнизона. Одновременно Гатаулла Баязитов состоял переводчиком, лектором тюркских наречий и мусульманского права в учебном отделе восточных языков Азиатского департамента при Министерстве иностранных дел. В нескольких учебных заведениях Петербурга, включая Пажеский корпус, он преподавала основы ислама.

Гатаулла Баязитов был вхож в круги имперской администрации, принят при дворе, близко знаком с

Мухаммад Сафа Баязитов с женой

председателем Совета министров Петром Аркадьевичем Столыпиным. Его знания и способности высоко оценивались и другими российскими руководителями. В Санкт-Петербурге у Гатауллы Баязитова родился сын Мухаммад Сафа. Первоначальное образование Мухаммад получил в казанском медресе «Мухаммадия», затем прошел полный курс Санкт-Петербургской гимназии Гуревича. Позднее учился в Петербургском университете.

Биографическая справка

Муфтий Мухаммад Сафа Баязитов

1885 Рождение Мухаммада Сафы Баязитова в г. Санкт-Петербурге. Отец – Гатаулла Баязитов (1846–1911), известный религиозный деятель и публицист. М.С. Баязитов окончил медресе, гимназию, факультет восточных языков Петербургского университета.

1911 М.С. Баязитов назначен имамом 2-го прихода Санкт-Петербурга, затем ахуном Санкт-Петербурга и имамом Петербургского военного округа. Одновременно преподает ислам в военно-учебных заведениях, является переводчиком российского Министерства иностранных дел. Издаст газету «Нур», выступая и как издатель, и как редактор.

1914 Ахун М.С. Баязитов совместно с генералом Шейх-Али организуют Всероссийский союз мусульман «Сырат алль-мустаким» («Прямой путь»), стоящий на консервативно-патриотических позициях.

С началом Первой мировой войны, когда войска Санкт-Петербургского округа оказались втянутыми в боевые действия, в столице блють вводится должность военного имама, военным ахуном столичного гарнизона назначен мулла второго прихода М.С. Баязитов.

1915 Назначение М.С. Баязитова муфтием Духовного собрания. После отъезда имама в Уфу для исполнения обязанностей муфтия и председателя Оренбургского магометанского духовного собрания его на обеих духовных должностях Санкт-Петербургского округа сменил имам Фаттахутдин Даблеткамов.

1916 В направлении в правительство обяснительной записке муфтия М.С. Баязитова к проекту штата Духовного собрания указывается, что по льготам и жалованью служащие Духовного собрания должны быть привлечены к служащим Губернского правительства. Правительством принято решение о выделении муфтию дополнительных денежных пособий, что мотивируется следующим: «Оренбургский муфтий является главой обширного региона, населенного мусульманами, и вместе с тем высшим правительственным органом по управлению ими и несет двойные обязанности по званию муфтия и председателя Оренбургского собрания, ведущего огромное делопроизводство. Его назначение – быть выразителем видах правительства в деле управления мусульманами. При существующем положении трудно будет найти соответствующего кандидата на должность, имеющую большое политическое значение и требующую от кандидатов специальной подготовки».

1917, февраль Сразу же после Февральской революции М.С. Баязитов был смешен с поста муфтия лидерами мусульман Уфы, находился под домашним арестом.

1917, март Решением Временного правительства от 22 марта М.С. Баязитов отстранен от должности муфтия. Решением Временного правительства от 30 марта исполнение обязанностей муфтия возлагается на казыя Нурмухаммада Мамлиева.

1918 М.С. Баязитов становится имамом мечети г. Петрограда.

Был репрессирован, умер после 1937 г.

2.

В то время как Мухаммад Сафкі Баязитов заканчивал восточное отделение университета, его отец Гатаулла часто встречался с муфтием Мухамедъяром Сұлтановым, обсуждая возможные проекты строительства в Санкт-Петербурге соборной мечети. Дело тянулось несколько десятилетий, его пора было завершить. Наконец, после того, как были обговорены подробности, летом 1909 года делегация мусульман под руководством ахуна Гатауллы Баязитова идет на прием к председателю Совета министров Петру Столыпину.

Делегация ходатайствует перед Столыпиным о постройке мечети рядом с пустырем на Кронверкском проспекте. Это в самом центре Санкт-Петербурга, неподалеку от Петропавловского собора.

Гатаулла Баязитов излагает суть вопроса. Мусульман в столице становится все больше. Несмотря на это, богослужение совершается либо на част-

ных квартирах, либо в арендованных на большие праздники залах городских клубов и филармоний. Для отправления духовных потребностей мусульман существуют два гражданских и один военный мусульманские приходы. Последний - старейший, он существует еще со времени императрицы Екатерины Великой. В военном приходе служит ахун Хамадулла Хамитов, в Первом гражданском приходе - ахун Юнусов, в Втором гражданском приходе служит ахун Гатаулла Баязитов. Приходам нужна одна большая мечеть, соборная мечеть на несколько тысяч человек...

Разрешение на постройку Петром Столыпиным было дано. Позднее Академия художеств высказывала некоторые сомнения в архитектурных достоинствах проекта, его сотрудники обращались к Столыпину по этому поводу, но председатель Совета министров не счел возможным отменить уже данное разрешение.

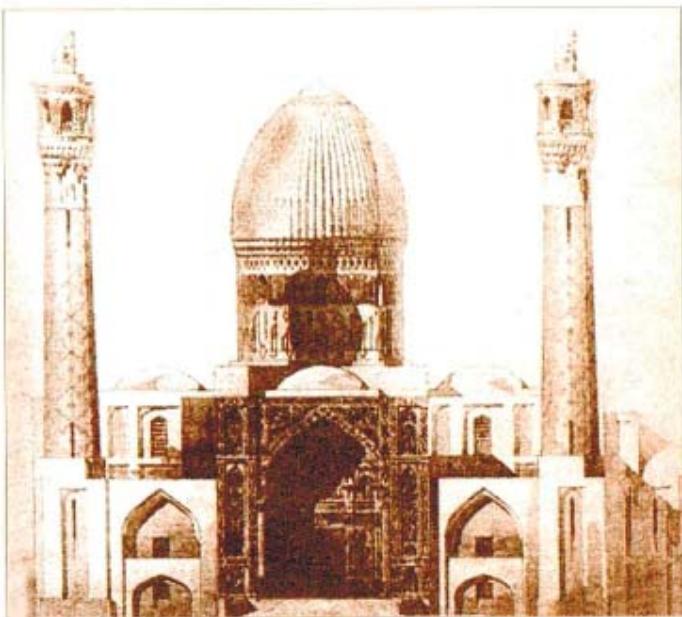
3 февраля 1910 года состоялась закладка соборной мечети. Был выкопан глубокий котлован, выложен фундамент, а в строительный сезон 1910 года началась кладка стен.

Изразцы для мечети изготавливались из местной глины по технологии Кашинской мозаики XV века. Художник А.М. Максимов специально выезжал в Самарканд для того, чтобы снять конии орнамента со знаменитых мечетей Шах-Зинде и Гур-Эмир. По его рисункам затем делались шаблоны для деталей отделки петербургской мечети.

...Когда в 1911 году Гатаулла Баязитов тяжело заболел, его двадцатишестилетний сын Мухаммад

Эмир Бухарский с группой участников закладки мечети. Санкт-Петербург, 3 февраля 1910 г.

Проект соборной мечети Санкт-Петербурга, занявший на конкурсе проектов первое место. Главный фасад

Фасад здания соборной мечети Санкт-Петербурга (1910-1914 гг., архитекторы Н.В. Васильев, С.С. Кричинский при участии А.И. фон Гогена). Эта соборная мечеть в дореволюционное время считалась главной мечетью России. Здание было воздвигнуто перед началом Первой мировой войны, а отделка ее заканчивалась уже в послереволюционное время. Этот храм говорит не только о мастерстве столичных архитекторов и строителей, но и является молчаливым свидетелем веротерпимости в Российском государстве. Фото 1913 г.

Сафа стал имамом Второго мусульманского прихода вместо отца, а когда в августе 1912 года ахун Егтаулла Баязитов скончался, Мухаммад Сафа занял его пост в Комитете по постройке мечети. Позднее он станет первым имамом петербургской соборной мечети. После смерти отца Мухаммад Сафа занимает также должность редактора-издателя газет «Нур» и «Маглюмат». Вскоре его назначают ахуном Санкт-Петербурга и имамом Петербургского военного округа. Одновременно он преподает ислам в военно-учебных заведениях, являясь, как раньше его отец, переводчиком Министерства иностранных дел. Как и отец, Мухаммад Сафа близок ко двору, в Петербурге говорят о его дружеских отношениях с императрицей Александрой Федоровной.

3.

Однажды некий благочестивый человек увидел сон, в котором царь попал в рай, а аскет – в ад. Он спросил: «В чем причина возышения одного и уничижения другого, в противоположность тому, чего ожидали люди?»

Ему был голос: «Царь оказался на небесах, поскольку приближал к себе дервишей, а аскет попал в ад, поскольку был близок к царю».

Саади

В 1913 году повсеместно отмечалось 300-летие дома Романовых, в связи с чем в соборной мечети Санкт-Петербурга 21 февраля состоялось первое в ее истории богослужение. Совершил его ахун Мухаммад Сафа Баязитов.

Огромное здание с массивным куполом и двумя высокими минaretами еще не было достроено, но вместило несколько тысяч верующих. На прекрасном русском языке Баязитов произносит речь: «Порадуемся, что три века назад Всевышний вручил венценосным предкам нашего государя судьбу великой России. С тех пор возрастала и крепла наша Родина. Преисполненные вечной благодарности государю императору нашему и державным предкам его, мы и потомки наши пребудем в вечной любви и преданности престолу российскому и дорогому Отечеству нашему...» На следующий день ахун Баязитов возглавил группу российских мусульман и был представлен императору.

30 июля 1914 года, в самом начале войны, на молебен в петербургской соборной мечети ахун Баязи-

тов собрал более трех с половиной тысяч военнослужащих.

В 1914 году Мухаммад Сафа Баязитов становится во главе Всероссийского союза мусульман «Сырат аль-мустаким» - «Прямой путь», по названию «тоньше волоса и острее меча» (моста, протянутого, согласно Корану, над адом и ведущего в рай). Этот союз придерживается консервативных позиций. Фактически, это партия. Ее учредителями выступают ряд военных, мула, рестораторов и торговцев российской столицы. Политические противники называли эту организацию черносотенной, но это обычные для того времени обвинения в адрес сиа, пытающихся удержать стабильность в стране. Как многие организации подобного толка, «Сырат аль-мустаким» выступает от имени всех мусульман Российской империи, что являлось, безусловно, большим преувеличением.

Один из главных заявленных постулатов организации - принцип единства и неделимости России. Этого было достаточно, чтобы вскипели все силы, направленные на дележ огромного пирога. В предвоенной обстановке шел рост монархических настроений в мусульманской среде. Он срывал планы антигосударственников либерального толка. Ряд известных мусульман, включая членов Государственной Думы, распространяли тогда открытое письмо, направленное на то, чтобы предостеречь единоверцев: «...стоящие во главе обицества намерены блюсти лишь собственные интересы». По всей стране началась открытая травля членов этой организации. В этих условиях сам собою отпал вопрос о намеченном открытии местных отделений «Сырат аль-мустаким» в Уфе и Казани.

Похороны Муфтия Султанова

...Петербургская соборная мечеть достраивалась, Мухаммад Сафа Баязитов занимался вопросами по ее отделке. Здесь он собирался продолжить свое служение. Но 12 июня 1915 года в Уфе умирает муфтий Мухамедъяр Султанов. Именно Баязитова правительство считает главным кандидатом на должность председателя Духовного собрания.

Назначению предшествовали многочисленные консультации и уточнения. Вот справка о личности Баязитова, составленной Петровичем, ответственным чиновником Министерства внутренних дел. Эта справка интересна тем, что отражает взгляд не только на личность нового муфтия, но и на государственное значение самого муфтиата.

«...Муфтий Мухаммад Сафа Баязитов назначен на эту должность именным высочайшим указом, данным правительствующему Сенату 27-го июля 1915 года. По происхождению - сын бывшего ахуна 2-го магометанского прихода в Петрограде, коллежского асессора Баязитова; богословское образование получил в одном из медресе города Казани, а обицее в петроградской гимназии Гуревича (окончил полный курс) и на факультете восточных языков в императорском петроградском университете, где прослушала восемь семестров.

В 1901 году подвергся при Оренбургском магометанском духовном собрании установленному испытанию в знании правил магометанской религии и удостоен высшей духовной степени имама-хатыба и мударриса. С 1911 года и до назначения муфтием состоял имамом 2-го магометанского прихода в Петрограде и вместе с тем преподавателем магометанского вероучения в столичных военно-учебных заведениях и Ксенинском институте, являлся переводчиком при

Похороны муфтия Мухамедъяра Султанова в Уфе. Фото 1915 г.

политических отделах министерства иностранных дел и военным ахуном петроградского военного округа.

В 1913 году участвовал в составе мусульманской депутации, имевшей счастье приносить поздравления их императорским величествам по случаю исполнившегося 300-летия царствования дома Романовых.

В бытность в Петрограде продолжал издание основанной его отцом газеты «Нур», одного из немногих органов консервативной мусульманской прессы; в настоящее время руководит изданием органа Оренбургского магометанского духовного собрания «Маглюмат», возобновленного по его инициативе.

Бывший управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов в докладе о назначении ахуна Баязитова оренбургским муфтием, аттестовал его как человека, чуждого фанатизма и нетерпимости, искренно преданного родине, оставшегося твердым в своих убеждениях, несмотря на нападки...

Нападки эти с назначением Баязитова на должность муфтия естественно усилились и одно время носили характер своего рода травли, выразившейся в целом ряде статей, авторы коих не стеснялись в выражениях, стремясь опорочить неугодного кандидата. Подобное озлобление легко объясняется тем, что прогрессисты, зная Баязитова, вполне ясно сознавали, что они отнюдь не могут рассчитывать на содействие нового муфтия в осуществлении преследуемых ими целей.

В текущем году муфтий Баязитов по представлению министра внутренних дел всемилостивейше награжден орденом Святого Станислава 2-ой степени.

Оренбургский муфтий является по закону духовным главою магометан, проживающих вокруг Оренбургского магометанского духовного собрания, находящегося в городе Уфе. Последнее учреждено в царствование императрицы Екатерины II... и первоначально имело очень ограниченную сферу действий, будучи, в сущности, своего рода экзаменационной комиссией, в коей подвергались испытаниям в знании правил магометанской религии кандидаты на магометанские духовные должности.

С течением времени по мере дальнейшего развития нашего законодательства об устройстве духовного быта населения империи магометан, функции Оренбургского собрания постепенно рас-

ширились. В настоящее время собрание представляет собой коллегиальное правительственные установление, осуществляющее разнообразные стороны религиозной жизни русских мусульман на весьма значительном пространстве России, так как в район его не входят только Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Туркестанский край, Ставропольская и девять западных губерний и киргизские приходы в Степных областях.

В состав его входят председатель – муфтий, назначаемый к должности по представлению министра внутренних дел высочайшей властью, и три члена, назначенные министром внутренних дел по представлению муфтия. Содержание собрания и его канцелярии отнесено в части на средства государственного казначейства и частью на суммы так называемого брачного сбора, взимаемого в подчиненных собранию местностях при совершении браков магометан в сумме 25 копеек с каждого брака».

О каких нападках на нового муфтия говорится в этой справке?

В 1914 году члены мусульманской фракции Государственной Думы, включая ее председателя Кутлуг Мухаммеда Тевкелева, родственника покойного муфтия Салимгарея Тевкелева, а также видных национальные деятелей - Гаяза Исхаки и Мусу Биги, оценили деятельность Мухаммада Сафы Баязитова и его партии следующим образом: «Сыратт аль-мустанким» по своему духу и своей цели является истинной копией русской черносотенной партии... Мусульмане, кроме вреда от него, ничего для себя не увидят».

В результате, если ранее Духовное собрание рассматривалось татарскими национальными лидерами как нейтральный орган, то после назначения муфтием Баязитова они стали ориентироваться на создание светского общенационального органа, никак не связанного с уфимским муфтиятом.

Некоторые обстоятельства организованной против муфтия Баязитова кампании уточняют материалы следственного дела одного из противников муфтия, журналиста и педагога Халима Искандерова, который был арестован уже при Советской власти. На одном из допросов он дал такие показания: «...После окончания медресе, вплоть до Октябрьской революции я вращался в среде татарской буржуазной интеллигенции, стоявшей на позициях либеральной буржуазии, взгляды которой я разделял. Я сотрудничал в некоторых буржуазных татарских газетах и,

в частности, в газете «Олдуз», редактором которой являлся Максудов Гадый, впоследствии видный националистический деятель, и «Турмуш», редактором которой был Кадыров. Мне также приходилось сталкиваться с такими руководителями мусульманского национального движения... как Гаяз Исхаков, Джантурин и другие.

В 1914 году я был приглашен на совещание, носявшее нелегальный характер. Это совещание состоялось в Уфе, в квартире банковского чиновника Еникеева. Совещание состоялось в связи с назначением царским правительством Баязитова в качестве муфтия и, как объяснил мне Кадыров, по приглашению которого я был на совещании, этот Баязитов был сторонником черносотенцев, и чтобы не допустить его назначения муфтием – назначение официально еще не было оформлено – совещание у Еникеева должно было выработать обращение на имя одного из министров с протестом против назначения Баязитова. На этом совещании также было решено обратиться к мусульманским деятелям в Оренбурге и Перми, чтобы они возбудили такой же протест...

На том совещании присутствовали кроме меня – Искандерова – следующие лица: Гаяз Исхаков, Джантурин Салимгарей, бывший член Государственной Думы первого созыва, помесик, Кадыров Закир, редактор газеты «Турмуш» в Уфе Ахтимов Ибрагим, адвокат Гаяз Исхаков и Кадыров эмигрировали за границу, о судьбе остальных не знаю». Так обстояло дело.

* * *

А теперь напомним читателю одну из притч, авторство которой приписывают суфию шейху Мухафферу.

Бахлаул, мудрый дервиш, повстречал как-то Харун аль-Рашида.

– Ты откуда идешь, Бахлаул? – спросил властитель.

– Из ада, – немедля ответил тот.

– И что же ты там делал?

Бахлаул объяснил:

– Нужен был огонь, но так я и решил спросить, не поделятся ли они огнем со мной. Но их предводитель сказал: «Мы тут огня не держим».

Я, конечно, спросил:

– Как же так?

Он ответил:

– Говорю тебе, здесь огня нет, каждый приходит со своим собственным.

Историческая справка

1914, август Собравшиеся в соборной мечети г. Санкт-Петербурга мусульмане направляют от имени столичной общины численностью свыше 15 тысяч человек в адрес турецкого правительства телеграмму-протест против посягательства Турции на целостность России.

При участии четырех министерств в г. Санкт-Петербурге состоялось «Особое совещание» по мусульманским делам. Обсуждались вопросы и перспективы национального образования мусульман России.

6–11 декабря В г. Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский съезд мусульманских благотворительных обществ, на котором избран «Центральный комитет российских мусульманских общественных организаций», которому поручалось «руководство всей работой мусульманских общественных организаций по оказанию помощи раненым боевым». В соответствии с решениями этого съезда создается «Временный комитет помощи раненым боевым и их семьям».

1915 Татарская печать либерального направления активно протестует против назначения муфтием М.С. Баязитова, считая его бывшим представителем традиционно-консервативных взглядов.

В соответствии с «Положением о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственные учебные заведения», в женском среднем учебном заведении для подготовки учительниц г. Троицка, на трехгодичных педагогических курсах для подготовки учителей и учительниц в русско-татарские и русско-башкирские училища Уфы, а также в национальной гимназии Ф.А. Аитовой в Казани (с 1916 г.) уроки мусульманского богоучения вводятся в процесс преподавания.

1916 В г. Петрограде состоялось совещание, принявшее решение о создании бюро при мусульманской фракции. Фракция и бюро воспринимают себя единомышленными законными представителями мусульман России. Татарская элита начала поддерживать силы, стремившиеся к свержению самодержавия.

В округе уфимского муфтията на 1916 г. насчитывается 6081 мечеть, при которых служат 13328 духовных лиц, в том числе 220 ахунов, 3822 хадыши, 3346 имамов, 5940 музелинов.

В г. Уфе муфтием М. Баязитовым было облено за-
крытое распоряжение муфтия М. Султанова в 1910 г. издание «Вестника Оренбургского Магометанского Духовного собрания». Помимо традиционных тем в журнале нашли отражение события боевой поры, Февральской революции, Всероссийского съезда мусульман и реорганизации Духовного собрания. В июле 1917 г. издание прекращено в связи с обостре-
нием общеполитической ситуации.

4.

...Афоризмы, мысли умных людей говорили все об одном же: война может быть побеждена, если люди осознают ее зло. Но безумие войны отвергало мудрые мысли, вопрос «кто кого» казался важнее.

Пришел год испытания, год проверки. Сначала – патриотический подъем, что-то неописуемое делалось и чувствовалось повсюду. Народ на улицах словно помолодел, отброшено и забыто было все, кроме единого помысла о надвигающейся внезапно войне, которая слила толпы в единого человека. Шло осознание своей громады и монди. Все чувствовали опасность, знали, что праздные слова неуместны. Сыпалось отовсюду: «Будем все как один, забудем ломашние былые ссоры». Радость и стремление к единству были у каждого на устах и в мыслях. Погоны ложились на плечи всех россиян – и крестьянина, и рабочего, и чиновника, и купца – ныне все воины! Было ощущение, что множество народов смотрят на российскую громаду – одни с ненавистью и опасением, другие с надеждою, как на прит – крепок ли он?

Души расширились, тело не поспевало за душою и от того сердце торопилось и трепетало. Манифест царя. Первые раненые, первые отряды медицинских сестер в белых плащаницах, от которых слепит глаза. На Вокзальной горе раскинули палатки лагеря, где формируются части для отправки на фронт, и гору стали называть Лагерной.

Волновали известия о первых победах. Российское воинство первоначально шло победоносно, взяв Кенигсберг на севере и дойдя до Ченстохова в Поль-

ше. Два первых года войны прошли в переменных радостях и волнениях, в надеждах на скорую победу – через месяц, через два...

Победу над Вильгельмом должен был принести главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, чья сухонарая старческая фигура внушала мысль о благородстве и неподдельном величии. Надежда была и из аэропланы, из доблестных летчиков и пузатые бомбы с надписью «Подарок Вильгельму».

Прошли месяцы, два, полгода, но фронт не двигался.

Вечерами, накинув на плечи пиджаки и не щадя руки в рукава, выбегали на улицу отцы семейств, чтобы купить газету «Копейка». Газетчики выкрикивали что-то о новых победах и газету расхватывали. А фронт по-прежнему стоял.

В Уфу прибывало все больше раненых и беженцев. Почти в каждой семье брат, сын, муж или отец на фронте. У Александровской часовни перед Гостиным двором собирались митингующие. Возвышаясь над толпой, ораторы, забравшиеся на крыльцо часовни, произносили речи. Из толпы выкрикивали: «Война до победного конца!» А фронт по-прежнему стоял.

В губернаторском доме изменился состав клиентов: исчезли немецкие заводчики, владельцы рудников, телефона и телеграфа. Какие-то незнакомые офицеры просиживали подолгу в кабинете губернатора и в гостиной, оставаясь после себя крепкий запах сигар, папирос и одеколона.

На набережной возле Оренбургской переправы три дня оклевает старая лошадь. Какие-то мальчики рисуют ее, ревностно наполняя пальмом набросками углем, пробуя писать акварелью.

На противоположном берегу Белой у переправы образовались каменистые отмели. Отсюда рыбаки, как и прежде, удят рыбу. По реке плавают стада гусей из ближайших дворов Никольского поселка. Чайки стаей мчатся над водой.

На высоком берегу напротив, среди деревьев белеет архиерейский дом. Правее, ближе к Случевской горе, высится минарет соборной мечети. Там, в глубине, здание Духовного собрания. По яблоневому саду в большом мягком халате, в галошах на босу ногу бродит кто-то из паломников, они почуют прямо в мечети, на полу, на мягких коврах.

...На втором этаже здания в кабинете муфтия горел свет. От пиявок он чувствовал явное облегчение. Отступала головная боль. Снова законошились эмбрионы мыслей, но все еще продолжает знобить.

На круглом столике гостиной вместе с журналами «Столица и усадьба» валялись газеты и журналы с карикатурами на курящих гимназистов, на мужей, изменяющих женам, на женщин в юбках с разрезом вдоль поги возле колена. И среди всего этого муфтий видит карикатуру на самого себя, а рядом - очень глупый рассказ о том, что скоро он собирается сбежать за границу, открыть там ресторан с танцами, а сам будет в нем вышибалой. В другом номере писали так: муфтий России не знает, народа не знает. Так, петербургский студент-белоподкладочник.

Он подошел к окну. Тихий свет сумерек. Не хватает воздуха, и сердце несется огромными прыжками. В вечернем воздухе проплывают тени птиц, будто возвращающиеся с бомбардировки отдаленных звезд...

* * *

С началом военных действий усилилась критика Духовного собрания, оказавшегося не готовым действовать в военных условиях.

После мобилизации десятков тысяч солдат из числа мусульман особенно остро стала ощущаться нехватка в войсках военных мулл. Широко известны стали письма с фронта на имя известного журналиста и педагога Хади Максудова, где военнослужащие-мусульмане, сравнивая положение православных и мусульман, жаловались на то, что в каждом полку имеются священники, «...а для нас, бедных мусульман, нет ни одного муллы. Откуда нам их просить?»

В письмах от воинов-мусульман встречались жалобы и на то, что муллы плохо исполняют свои обязанности. Редакция газеты «Турмуш» - «Жизнь» писала, что Духовное собрание обязано немедленно ходатайствовать перед правительством об учреждении должности военного муллы.

В декабре 1914 года в Петрограде состоялось совещание представителей мусульманских общественных организаций, которое предложило избранному Временному центральному мусульманскому комитету добиваться направления на фронт мулл в каждую дивизию, но положение реально изменилось лишь к весне 1916 года: число военных мулл в войсках значительно увеличивалось, а приказом Николая II им были установлены оклады. Несмотря на это, мулл по-прежнему не хватало и военные предлагали в связи с этим изъять их из числа низших чинов, окончивших медресе и имеющих свидетельство о прохождении экзамена.

Моление солдат-мусульман в соборной мечети Санкт-Петербурга о даровании победы русскому оружью. Петроград, 1914 г.

5.

Осенью 1915 года, после летней кампании на фронте, когда русская армия под давлением германо-австрийских сил отступила из Галиции и очистила почти всю Польшу с ее столицей Варшавой, часть протурецких настроенных российских мусульман активизировала свои действия.

Германо-турецкий союз и возможность победы центральных держав возбуждали надежду при военном разгроме России добиться не только каких-либо дополнительных прав, но и перекроить Россию на новый лад, установить в стране не только иной политический строй, но и создать на ее территории новые государства. Эти надежды поддерживались не только турецкими эмиссарами, но и доброжелательно настроенными к Турции представителями российской мусульманской интеллигенции, а также некоторыми из мулл, хотя, в основном, мусульманское духовенство в пятничных проповедях и молитвах поддерживало лозунги войны до победного конца.

В российских мечетях действовали те же принципы, что и в православных храмах: одной из задач духовенства являлось воспитание среди прихожан законопослушности и попитания государственной власти в лице императора, под руководством имамов со-

вершились праздничные богослужения в честь дней рождения, тезоименитств российского государя, его супруги и наследника, дней восшествия на престол и коронации императора. Так было и до, и после начала войны, но с началом отступления российских войск в мечетях Поволжья все чаще стали фиксировать случаи устной пропаганды пораженных настроений и даже попытки распространить воззвания, призывающие мусульман воспользоваться удачным случаем (одно из такого рода воззваний, к примеру, было задержано в городской типографии комитетом по делам печати). Нужно заметить, в то же время, каких-либо массовых действий антивоенного и антиправительственного характера в Поволжье такая пропаганда не имела. Иным было положение в Туркестане, где с началом проводимой правительством мобилизации вспыхнуло среди казахов известное восстание, подавленное с большим трудом и с большими жертвами.

Главную роль в антироссийской пропаганде в этот период стали играть эмигранты, большинство которых находились в Турции, помогая турецкому правительству и практической работой, и участием в пропаганде джихада против России. С самого начала войны турецкая печать с помощью эмигрантов энергично призывала российских мусульман к солидарности с турками.

Турецкий султан, халиф всех мусульман, объявив священную войну против «неверных», не сумел, однако, добиться каких-либо положительных результатов в свою пользу: ни в одной стране не произошло никаких вооруженных выступлений, наоборот, арабы, под руководством английского разведчика полковника Лоуренса, провели удачное восстание против султанской Турции.

Несмотря на подозрения российских властей в отношении Туркестана, откуда мусульман в российскую армию решено было не призывать из-за боязни массового неповиновения и дезертирства, известный туркестанский теолог, мулла М. Бехбуди в своем журнале «Ойна» - «Зеркало» писал, что в участии России в союзе стран, противостоящих другим христианским государствам, к которым присоединилась Турция, нет ничего оскорбляющего и унижающего ислам, а «поэтому нашему туркестанскому туземному населению нужно быть спокойным, сдержанным и вполне лояльным» по отношению к царю и стране. А духовный глава исмаилитов Ага-хан, в сферу влияния которого входили му-

сульмане, проживающие на границе с Афганистаном, обратился к единоверцам с фетвой, в которой призвал их выступить против Германии и Турции на стороне Антанты. «Мусульманам, - писал он, - надлежит оставаться верными долгу присяги... Никто не сможет победить столь могучих государей, как император и король Индии и Англии и царь всероссийский!»

Активную пропаганду среди последователей ислама, в свою очередь, вели государства противника. Германское правительство, стремясь привлечь на свою сторону мусульманские народы, находящиеся в сфере влияния Англии и Франции, направляет секретные миссии в Персию и Афганистан, где с помощью турецких эмиссаров всячески склоняет влиятельные круги этих стран к вмешательству в войну на стороне центральных держав и Турции.

В отношении мусульман Внутренней России государствами противника проводится в это время политика покровительства сепаратистским настроениям. Одним из влиятельных российских эмигрантов, проживающим в Турции, явился известный по съездам партии «Иттифак» Юсуф Акчурин, или Акчуря, который, выступая с петербургской, казанской или уфимской трибуны, менее всего был склонен к сепаратизму, но с пересездом в Константинополь стал активным сторонником младотурок и ярым врагом России.

Выставляя себя защитницей мусульман, Германия всячески поддерживала деятельность Акчуриня. Особенно показателен в этом смысле факт организации поездки специальной делегации от имени российских мусульман, возглавляемой Акчурином, в Австро-Венгрию и Германию.

Во французской газете «Le Temps» в конце 1915 года было помещено сообщение следующего содержания:

Междуронголами

Цюрих, 1-3 декабря.

...Телеграмма из Будапешта сообщает, что делегация от турко-татарского населения России, представляющая двадцать миллионов человек, из которых семь миллионов турок и шесть миллионов киргиз, прибыла в Венгрию. Делегация вручила графу Тисса меморандум, в котором изложена необходимость восстановления в Казани ханства с нейтрализацией территории между Волгой и Каспийским морем, чтобы охранить цивилизацию этого народонаселения. Делегация отправится затем в Берлин».

Вырезка из газеты «Le Temps» с этим сообщением была тут же направлена министру внутренних дел Хвостову с просьбой сообщить, не имеется ли в Министерстве внутренних дел сведений о том, насколько сообщаемое газетой соответствует действительности. Департамент полиции запросил, в свою очередь, мuftия Мухаммада Сафу Баязитова и губернаторов - уфимского, казанского, самарского и астраханского.

В Духовном собрании не имелось никаких сведений о делегации, выступающей от лица российских мусульман.

Все четыре губернатора также ответили, что никаких сведений о поездке мусульманской делегации из России не имеют, а казанский губернатор высказал предложение, что, если верить телеграмме из Цюриха, помечтавшей в «Le Temps», то такая делегация могла быть составлена из российских татар, живущих в Константинополе - Юсуфа Акчуриня, Абдразита Ибрагимова и других.

Директор полицейского департамента на соответствующий запрос департамента духовных дел смог ответить более подробно.

«Департамент полиции имеет честь уведомить, что сведения газеты «Le Temps» о сношении специальной делегации русских мусульман с представителями враждебных нам государств находят себе подтверждение в неопубликованной телеграмме Петроградского телеграфного агентства из Конингсберга, гласившей, что означенная делегация, будучи принятая в Вене президентом Штюргком и за министра иностранных дел графом Форгарием, представила им записку с требованиями освобождения Бухары и Хивы от русского владычества и присоединения к ним Туркестана, административно-политической независимости киргиз, восстановления Казанского царства и Крымского ханства, последнего под покровительством турецкого султана, признания реки Волги и Каспийского морянейтральными.

По тем же данным в состав делегации вошли издатель турецкой газеты «Тюрк-Юрду» Юсуф-Оглы-Акчурин, редактор газеты «Фуюх», профессор университета Али Гуссейн-Заде, профессор богословия Мохаммед-Эссад-Эселиб-Заде и Муким-Эддин-Бейтшаю.

Как видно из имеющихся об этих лицах в департаменте полиции сведений, члены делегации Акчурин (Акчурин) и Гуссейн-Заде являлись русскими подданными, причем первый происходит из сим-

бирских татар, а второй из закавказских. Будучи вывезен в Константинополь еще в малолетстве, Акчурин получил там общее и военное образование и служил в турецкой армии, а 1904-1906 годах во время проживания в городе Казани обратил на себя внимание активной революционной деятельностью в панисламистском направлении. По введении в Турции конституционного строя, Акчурин возвратился в Константинополь. Гуссейн-Заде в 1907 году состоял директором бакинского мусульманского училища, в 1911 году переселился в Константинополь, где был выбран в члены комитета «Единение и Прогресс» и, как враждебно настроенный по отношению к русскому правительству, вел непрерывную агитацию за объявление войны России. Что же касается остальных участников делегации, то из них Эселиб-Заде состоит в турецком подданстве и постоянно проживает в Турции..»

По сути своей, эта делегация служила Германии, ее политике в отношении восточных государств. Подобного рода делегации формировали настроения в Германии и Австрии, население которых могло усматривать в этих фактах признаки внутреннего разложения России. Это и поднимало престиж Германии, как покровительницы угнетенных народов. Нет сомнения - то была одна из специальных операций германского Генерального штаба, использовавшего российских эмигрантов в своих интересах. Вырисовывалась следующая картина: с одной стороны, находящиеся в России деятели мусульманской фракции Государственной Думы всемерно помогали правительству в борьбе против Австро-Венгрии, Германии и Турции, тысячи мусульман приносили в жертву свои жизни, а с другой стороны, кучка эмигрантов верой и правдой служила противнику...

Эмигранты активно использовались и для вербовки добровольцев среди военнопленных из числа мусульман. В рядах турецкой армии их предполагалось задействовать на пути джихада против России. С этой целью российские мусульмане выделялись в особые лагеря, где был установлен более мягкий режим, и где прибывшие из Турции муаллы вели антироссийскую агитацию.

Все, вроде бы, было продумано, как полагается. Но вот один из примеров.

В Австрии во время войны для российских мусульман, попавших в плен, был не только устроен специальный лагерь, но и построена в нем мечеть.

Созданы были все условия, чтобы российские мусульмане чувствовали о себе заботу. Делалось это с очевидным прицелом – а не повернут ли они нитяки против России?

Когда в лагерь приехали высшие австрийские офицеры и чиновники, пленные солдаты благодарили его за заботу. После официального построения начался непринужденный разговор, а затем пленных попросили – «спойте нам вашу любимую песню». И вот тогда, посоветавшись, солдаты-мусульмане запели к великому негодованию австрийских генералов и чиновников «Боже, Царя храни!»

* * *

5 июля 1916 года, во время праздника Рамазан, появился приказ Николая II о введении в войсках должности дивизионного муллы. Вскоре прибывший в Уфу дивизионный имам сообщал, что «дух войск великолепный», что «в настоящее время очень много имамов назначены в войска для совершения необходимых религиозных обрядов».

В том же месяце, когда мусульмане отмечали праздник разговенья Ураза-байрам после окончания священного поста, муфтий Духовного собрания Мухаммад Сафа Баязитов от имени российских мусульман обратился к императору Николаю II со следующими словами:

«Царская ставка, верховному главнокомандующему, государю императору.

Ваше императорское величество. Сегодня мусульмане города Уфы и других местностей, собравшись на торжественное богослужение по случаю Рамазан-байрама, вместе со мной совершили молебствие о здравии и благодеянии вашего императорского величества и всей августейшей семьи.

...Безгранично счастливые успехами наших доблестных войск под верховным водительством вашего императорского величества, возносим всевышнему Аллаху горячие молитвы о полном сокрушении дерзких врагов, во славу великой нераздельной России и державного ее повелителя, также на счастье многочисленных народностей ее, в том числе верных сынов вашего величества – мусульман.

*Вашего императорского величества
верноподданный оренбургский муфтий
Мухаммад Сафа Баязитов.*

18 июля 1916 г.»

Императором в Уфу был направлен следующий ответ:

«Благодарю вас и всех мусульман, собравшихся на торжественное богослужение по случаю Рамазан-байрама, за молитвы и выражения верноподданнических чувств, высоко ценно доблесть многочисленных мусульман, сражающихся в рядах нашей храброй армии.

Николай II.

Сообщение об обмене посланиями муфтия с императором Духовное собрание немедленно направило в действующую армию вместе с просьбой разрешить воинам-мусульманам совершить моление 24 сентября, во время мусульманского праздника, что и было выполнено.

В конце 1916 года за заслуги в организации деятельности мулл в тылу и на фронте Мухаммад Сафа Баязитов был награжден орденом Станислава Второй степени.

6.

«На мусульман всегда можно было вернее положиться. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона».

Н.Н. Брешко-Брешковский,
роман «Дикая дивизия»

Газеты тех лет рассказывают о том, как российские мусульмане, от рядовых до генералов, выполняли свой воинский долг, какие высокие награды получали. На орденах, которыми награждались офицеры-мусульмане, вместо изображения христианских святых помещался российский герб – двуглавый орел. Историк С. Исахаков приводит многочисленные факты героизма воинов-мусульман.

...Командир 306-го Мокшанского полка полковник М. Ибрагимов награжден Георгиевским оружием. 14 мая 1915 года его отряд взял с бою высотный гребень и удерживал позицию в течение трех дней против превосходившего в силах противника, подавая личный пример храбрости.

...Командир 166-го пехотного Ровиенского полка генерал-майор Р. Сыргланов был посмертно награжден самой высокой офицерской наградой – Георгиевским крестом 4-й степени за то, что в бою 20 июня 1916 года близ Скробово во время кровопролитного

штурма хорошо укрепленной позиции, подняв в атаку свой полк, первым оказался на бруствере неприятельского укрепления.

...10 сентября 1916 года 2-й эскадрон мусульманского конного полка предпринял атаку против германской тяжелой артиллерийской бригады, изрубил орудийную прислугу и захватил три тяжелых орудия.

Офицеры давали такую оценку своим подчиненным из числа мусульман: «Хорошие солдаты, стойкие, отличные в разведке, исполнительные, добродушные, великолепные товарищи... а их прямота и привязанность к своему офицеру и к полку были просто поразительны и достойны подражания».

Высшая власть стала теперь демонстрировать свое благоволение к воинам-туркам. К примеру, в феврале 1915 года Николай II посетил специальный мусульманский госпиталь, расположенный в одном из дворцов Царского Села, и собственно-ручно наградил отличившихся на фронте раненых воинов.

В письме военного министра А.А. Поливанова председателю Совета министров Б.В. Штюрему от марта 1916 года отмечалось, что война рассеяла сомнения в благонадежности многих мусульман.

Журналист Д. Дагестани в том же году писал, что мусульмане почти всегда лишь раз своим поведением доказали, что к их «традиционному консерватизму во всем, касающемуся своего государства, отечества, прибавилось еще сознание основ государственности, гражданственности». Добросовестно выполняя свой гражданский долг, они дали понять цивилизованному миру, что для них «идея государственности и идея отечественности» дороже племенных и расовых связей.

* * *

Февральская революция 1917 года застала религиозные и светские организации мусульман врасплох, организованного участия в событиях первых дней революции они не приняли за исключением мусульман-учащихся петроградских высших учебных заведений, выступивших как миSSIONеры и сестры милосердия. Только 4-го марта в Петрограде было созвано общее собрание мусульман, на котором и решено было объ-

единиться в общественную организацию, созвать митинги и прочее...

Именно это собрание постановило – изгнать муфтия Мухаммада Сафу Баязитова и назначить на его место другого. Вскоре лидерами ряда мусульманских организаций Уфы муфтий Баязитов был смешен с поста. Он находился под домашним арестом до конца марта.

15-16 марта 1917 года в Петрограде произошло совещание мусульманской фракции 4-й Государственной Думы и бюро при ней с приехавшими делегатами с мест. Оно было посвящено задачам, стоявшим перед российским мусульманством в связи с происшедшем переворотом и созывом Учредительного собрания. В совещании приняли участие члены мусульманской фракции Государственной Думы Е.К. Еникеев, К. Текелев, члены бюро фракции А.-З. Валидов, А.Х. Укейханов, С.М. Джантюрин, Н. Курбангаев, А.Т. Цаликов, М. Чакаев и многочисленные делегаты с мест – из Уфы, Екатеринбурга, Петропавловска, Троицка, Степного края и Туркестана, председатели мусульманских приходов Москвы и Петрограда, представители мусульманских печатных изданий, мусульманского студенчества и представители из числа военных.

Совещание решило организовать в Петрограде Временное центральное бюро Российских мусульман, на которое возложить задачи созыва Всероссийского мусульманского съезда и выполнение всех подготовительных для съезда работ. К участию на предстоящем съезде решено было привлечь мусульман всех национальностей и, поскольку то окажется возможным, придерживаться пропорционального представительства. К участию во всероссийском съезде решено было привлечь представителей разнообразных мусульманских общественных организаций: культурно-просветительных, благотворительных обществ, кооперативов, обществ мелкого кредита и студенческих организаций. По соображениям практического характера (помещение, проезд, пропитание) местом созыва съезда была выбрана Москва, время – начало мая.

Совещание высказалось за необходимость поддержки Бюро материальными средствами и поручило самому Бюро обратиться к мусульманам с воззванием об основных целях и задачах съезда. Некоторые из самых существенных задач необходимо назвать.

По женскому вопросу. Решено было, что женщины-мусульманки в своих политических и граж-

анских правах должны быть равноправны с мужчинами.

По вопросу о многоженстве: «виду того, что оно противоречит принципу человечности и справедливости, должно быть совершенно искоренено».

По военному вопросу. Воинская повинность должна быть уничтожена! В случае надобности, создать регулярную армию. Таковая должна быть национальной с национальным же командным составом. Что касается существующей армии, то немедленно из ее состава выделить мусульманские войсковые части, что и требовать от Военного министерства.

По аграрному вопросу. Все земли без выкупа должны перейти во всенародное достояние, которым может воспользоваться всякий без использования наемного труда. Пострадавшим от перехода без выкупа земли в руки народа должна быть оказана поддержка на время, определяемое местным самоуправлением. Государство и местное самоуправление должны оказать содействие этому открытием сельскохозяйственных школ и расширением сельскохозяйственного кредита. Мусульмане-крестьяне должны объединиться вокруг Мусульманского крестьянского союза.

По рабочему вопросу. Установить восьмичасовой рабочий день. Ввести государственное страхование, охрану труда детей и женщин. Для этого учредить фабричных инспекторов. На средства хозяев при фабриках и заводах строить мечети и медресе для рабочих.

По культурно-просветительскому вопросу. Обучение вести на татарском языке. Обучать юношес и девушки совместно. Для управления земскими и городскими школами, образовать особые национальные учреждения.

По духовному вопросу. Организовать Духовное управление в составе муфтия и шести казыев (причем один из казыев должен быть непременно из женщин!), которые избираются настоящим съездом. Выработана была и смета содержания Духовного управления, установлены сборы при совершении брака, управлении вакуфным имуществом, обложении деревенских приходов и другие.

Фракция и созданное при ней бюро воспринимали себя единственными законными представителями российских мусульман. Было решено поддерживать только те силы, которые занимают антиправительственную позицию. Главной задачей национально-

го движения стало создание на территории России религиозной мусульманской автономии. Какой именно она должна быть - понимали неотчетливо.

8.

После Февральской революции во многих воинских частях царил разброд.

Присягали Временному правительству. Пинжала флейта, стучал барабан, но не было святости в новой присяге.

Чувствуя обман, солдат бунтовал. Однако в Текинском, Крымском и Татарском полках сохранялся порядок и спокойствие.

В марте в «Вестнике Временного правительства» был опубликован новый текст присяги на верность Российскому государству со специальным вариантом для мусульман, который заканчивается такими словами: «Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана и ниже подписуюсь».

...В Текинском мусульманском полку, насчитывающем около четырехсот всадников, к присяге приводил полковой мулла. Когда полк при штандарте выстроился в поле, мулла воскликнул «Аминь!», после чего все поднесли руки к лицу и присяга, таким образом, была закончена.

После присяги представители Временного правительства обратились к командиру с вопросами: во-первых, почему полк не носит красных бантов, во-вторых, почему со штандарта полка до сих пор не снят императорский вензель.

Командир полка ответил на это, что полк состоит из мусульман, а их национальный цвет - зеленый, который будет скоро введен. Что же касается штандарта с императорским вензелем, то он принадлежит полку, а полк не хочет снять вензель, который заслужил собственной кровью. В результате императорский вензель, обернут зеленой матерью, так и остался эмблемой полка.

9.

В 1918 году Мухаммад Сафа Баязитов, оболганный и униженный, покинул Уфу, в которой провел всего три года, и возвратился в Петроград на должность ахуна и имама столичной мечети. В начале двадцатых годов мечеть закрылась и, по воспоминаниям ее прихожан, Баязитов перебивался случай-

ными заработками, иногда – литературной работой, иногда – переводами с восточных языков.

Говорили, что жил он бедно, на судьбу часто жаловался, но о людях никто никогда не слыхал от него дурного слова. Обстоятельства этого периода его жизни туманны. Известно лишь, что за первым арестом пошли другие, а в начале тридцатых годов бывший муфтий был отправлен в лагерь, где и погиб. В годы «оттепели» он был реабилитирован посмертно.

* * *

Закончить рассказ о судьбе муфтия Мухаммада Сафы Баязитова хочется суфийской притчей об одном мулле, который судьбы людей сравнивал с судьбами деревьев.

Рядом с мусульманским кладбищем, расположенным на косогоре, росли сосны. Стоя у кладбищенской ограды, мулла разговаривал с одним из прихожан своей мечети.

Мулла размышлял вслух: «Взгляни на эти сосны, как некоторые из них малы, а некоторые велики. Некоторые хорошо укоренились, а другие заваливаются

на бок. У некоторых же без всяких очевидных причин искалечена часть ветвей».

Собеседник спросил: «Какой вывод мы можем сделать из этого?»

Мулла сказал: «Высокие деревья полны вдохновения».

«И что же, они все удачливы в жизни?»

«Ни в коем случае».

«А искалеченные деревья?»

«Это те, кто выискивают способ себя оправдать».

«Что же, маленькие деревья лучше, чем большие?»

«Некоторые могут быть маленькими из-за наследственности, из-за того, что не было благоприятного случая, из-за отсутствия питания, из-за непонятных желаний».

«Ну, а те, что глубоко укоренились?»

«Все зависит от их природы и от разборчивости их корней при добывании пищи. Некоторые из глубоко укоренившихся стали такими из-за нежелания оторваться от почвы или из-за боязни сползти вниз по косогору. Иногда это как раз те деревья, которые валят дровосеки и используют на дрова...»

Глава XIII

ДИНИЯ НАЗАРАТ, ИЛИ ПОСТРОЙКА НОВОГО КОВЧЕГА

Муфтий Галимжан Баруди. – Медресе «Мухамадия» и реформы в мусульманском образовании. – Суфийский мастер тарика Накшбандийа. – Мусульманские съезды. – Учреждение Национального собрания и Диния назарат – Духовного министерства. – Укрепление власти и строительство федерации. – Годы 1921-1922 гг.

1.

Одни называли его «татарским Гапоном», «чертопосланцем», «погромщиком», «предателем нации» и «еретиком». Другие – «истинным мусульманином», «выдающимся ученым-uleмом», «суфийским шейхом», «просветителем-подвижником».

Дважды его приговаривали к смерти. Первый раз, в 1898 году, – фанатики, державшиеся за средневековые каноны и выступавшие против любых реформ. Во второй, в 1905-ом, – его собственные ученики-шакирды. Смерти ему желали за то, что учитель позволила себе участвовать в патриотиче-

ской манифестации, поддержавшей власть и государственность.

Опасней же всего оказались подметные письма. Доносы знакомых и коллег, доносы учеников. Именно они сделали свое дело. На основании этих доносов казанский губернатор Стрижевский 16 февраля 1908 года вынес резолюцию: «Возбудить ходатайство о высылке муфтия Апанаева, братьев Галиевых и купеческого сына Казакова под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на три года».

В Министерство внутренних дел тогда доложили о раскрытии заговора панисламистов, и

хотя позже выяснилось, что дело почти все построено на жалобах и кляузах, министр ссылку не отменил, заменив, правда, ее место и сроки. Галимджана Галиева, известного как Баруди, отправили не в Архангельск, а в Вологду, и не на три года, а на два, вскоре разрешив ему выехать за границу. Таким образом, почти все время ссылки Баруди провел в Дамаске и Бейруте. Но когда он вернулся в Казань в 1910 году, опять начались доносы. От своих же — от учеников, от сослуживцев.

В доносе нескольких муал-кадимистов на имя казанского губернатора указывалось, что «Галиев-Баруди, Аланеев, Буби, Гаспринский портили нашу мусульманскую молодежь и теперь заразят мирный народ, и если не вывести von новометодников, наши мусульмане станут помышлять о ханстве».

За доносами следовали вызовы в жандармерию. Баруди даже показали целую пачку писем. Все на него. Он открыл один конверт, другой. Подписей не было. По крайней аккуратности текста угадывался подлог. Именно тогда Баруди решил написать казанскому губернатору письмо. Некоторые его строчки говорят об отчаянном положении, и жизненном, и духовном.

«...Я далек от мысли роптать на Бога, пославшего мне такое тяжкое испытание. Я перенес его со смиренiem, но оно оставило, независимо от моей воли, горькое сознание двух вещей.

Во-первых, сознание того, как трудно доказать правительству всю благонамеренность мусульманского населения, относительно которого существует еще такое досадное предубеждение.

Второе касается лично меня. Свои пятьдесят лет я провел исключительно за книгами, пренебрегая торговым занятием своего отца. Я хотел остаток дней своих, до последнего вздоха, опять посвятить этому великому делу просвещения своих братьев и тем заслужить милосердие моего Бога в будущей моей жизни; хотелось уйти из мира с приятным осознанием исполненного долга перед Всемогущим Богом и людьми».

Биографическая справка

Муфтий Галимджан Баруди

1857, 2 февраля Рождение Баруди, аль-Баруди (исбедин), Галиева (Галсеба) Галимджана Мухам-

метдиновича в д. Малые Кобали Кобалинской волости Казанской губернии.

1860 Отец, Мухаметзян Галиев, перевозил жену и сына к себе в Пороховую слободу г. Казани. «Порох» по-арабски — «баруд», отсюда и прозвище псевдоним аль-Баруди. Спустя год семья переселяется жить в сам город.

1862 В пятилетнем возрасте начинает учиться у помощника учителя-халыфа Нураги аль-Баруди в медресе дамуллы мударриса Салаха ад-дина ал-Казани при второй городской соборной мечети рядом с Сенным базаром.

1871 Одновременно с учебой в медресе Баруди начинает исполнять обязанности помощника учителя в младших классах.

1875-1882 Учеба в медресе «Мир-Араб» г. Бухары.

1882 Возвращение Баруди в Тобольск. Назначен вторым имам-хатыбом 5-й соборной мечети Казани.

1887 Собирая хадж, посетив по пути в Мекку столицы Египта и Османской империи.

1891 Начал масштабную реформу в боуджемим медресе г. Казани «Мухаммадия».

1906 Участие в работе II (инварь, С.-Петербург) и III (август, Нижний Новгород) Всероссийских мусульманских съездов. На III съезде мусульман России избран членом президиума, председателем комиссии по реорганизации духовного управления мусульман. Являлся членом ЦК партии «Иттифак алмуслимин» («Союз мусульман»).

Баруди начинает издание общественно-литературного журнала «Ал-дин ба аль-адаб» («Религия и воспитание»), который с перерывом в 1909-1912 гг. выходит до 1917 г. Продолжает издание научно-популярных книг из серии «Маариф исламийя» («Исламское просвещение»), в которых в простой доступной форме разъясняет основы исламской религии, комментирует хадисы и законы шариата.

1907, май Открытие при медресе краткосрочных педагогических курсов для переподготовки учителей окрестных мечетских школ.

1908, май По жалобе сторонников традиционного ислама – кадымистов Баруди арестован и по обвинению в организации иссанкционированных учительских курсов и «панисламизме» выслан в Вологодскую губернию. Через четыре месяца добылся разрешения провести двухлетний срок ссылки за рубежом и прибыл через Вену, Будапешт и Стамбул в Хиджаз, затем – в Сирию, где и отбыл срок ссылки.

1910, март Возвращение Баруди в г. Казань. Был восстановлен на прежней должности только через два года.

1917, май На I Всероссийском съезде мусульман в Москве избран муфтием Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Возглавил Министерство духовных дел (Диния назарат, или Диния назарата). Центрального национального управления, выступал за культурно-национальную автономию мусульман Внутренней России и Сибири, отделение религии от государства.

1918, апрель После ликвидации религиозной автономии и распуска Министерства духовных дел вместе с другими его сотрудниками выехал в г. Петропавловск Акмолинской области.

1919, март Возвращение в Уфу. Баруди продолжает выполнять обязанности муфтия.

1920, июль Требожась за судьбу своей уничтоженной библиотеки, передает ее в дар Татарской Республике. Коллекция Баруди становится основой Восточного фонда научной библиотеки Казанского университета имени Н.И. Лобачевского.

1921, 6 декабря Смерть в Москве, где находился по делам помощи голодающим. Похоронен на татарском кладбище г. Казани, Дженазу провел его брат Салихжан хазрат.

2.

Если один человек начнет путешествие с целью получать знания, то Господь Бог сделает легким его путь в рай. Для согласия человека, стремящегося к знаниям, ангелы окажут почет. За человека, стремящегося к знаниям, небожители, живущие на земле, даже рыбы в воде будут просить о снисхождении...

Ученые - наследники пророков.

Хадис

В судьбе Баруди, несомненно, огромную роль сыграл его отец Мухаметзян Галиев, знаменитый казанский торговец и общественный деятель. Мало того, что отец был одним из самых удачливых городских купцов и состоял членом учетных комитетов сразу пяти крупных банков, он еще тридцать лет без перерыва исполнял обязанности гласного городской думы и имел множество других общественных обязанностей. О его несомненном авторитете говорит хотя бы такой факт – трижды его делегировали от Казани в Санкт-Петербург: на церемонию венчания на престол, бракосочетания и священного коронования императора Николая II. Мухаметзян Галиев мог обеспечить поддержку сыновьям в любой из сфер деятельности, но лишь один из четырех сыновей пошел по стопам отца, остальные избрали путь религиозного служения.

Галимджан родился в деревне, но детство его прошло в Казани, неподалеку от порохового завода, где на улице Тихвинской отец выстроил роскошный особняк. Отсюда и псевдоним Галимджана Галиева – Баруди, что по-арабски означает «пороховой». В 1862 году пятилетний Галимджан поступает учиться в медресе «Карамия», больше известное как Аниаевское, по фамилии выстроившего его купца. Это самое престижное казанское медресе, в котором преподают известные теологи, получившие образование в мусульманских центрах Аравии и Египта, поступить туда удается не каждому.

Шакирд Галимджан рано начинает читать сочинения по истории, географии и математике, по хадисам – историям о деяниях пророка, по суфизму – его философии и практике, для него открываются библиотеки его учителей. Быстро выучив арабский, он вскоре и сам начинает учить арабскому других. Самостоя-

тельные занятия еще больше расширяют кругозор его интересов, он успешно участвует в диспутах между учащимися окрестных медресе по сложным религиозно-нравственным вопросам, у него вырабатываются признаки критического мышления, но без высшего теософского образования, которое дети богатых мусульман Поволжья получали, как правило, в бухарском медресе «Мир-Араб», стать признанным авторитетом в богословской сфере невозможно. К счастью, торговые дела отца идут в гору, и это позволяет сыну после окончания курса в местном медресе продолжить образование в Бухаре. Вместе с младшим братом он прибывает туда зимой 1875 года.

Поселившись в здании медресе «Мир-Араб», он занимается у известных учителей и ученых, среди которых дамулла Хасан Салават-хан - брат его первого наставника Салах ад-дина, дамулла Габделшакур ал-Кази, дамулла Миршариф ал-Хайсуб, ахун Ихтийархак ал-Аглам, хаджи Саки Бикзиди и другие. Здесь пополняются его познания в мусульманской догматике, философии, юриспруденции, экзегетике, учении о хадисах, арабской литературе, математике и суфизме. В это время крепнет у Баруди критический взгляд на порядок организации религиозной жизни мусульман, особенно в сфере школьного обучения и воспитания. Он убежден, что любой религиозный вопрос должен быть понят путем соответствующих доказательств из первоисточников - Корана и хадисов. Богословские науки, и прежде всего главные из них - экзегетика, «наука о хадисах» и основы мусульманского права, - должны изучаться осмысленно и критически. Только те знания полезны, которые близки к жизни, потребностям людей и общества. Школы при мечетях недопустимо отстаивать в своем развитии, их необходимо преобразовать...

Кроме лекционных занятий, он посещает общественные и частные книгохранилища, изучает местный книжный рынок и пополняет личную библиотеку. Как-то он встретил книги и рукописи на бухарском рынке - потянули аж на сорок пудов!

* * *

Семилетнее пребывание в Туркестане закончилось, скоро он должен был возвращаться назад. Некоторые основы мировоззрения юноши сложились: мусульманская мораль представляется ему основой духовного благополучия, а суфизм - самым прямым

путем повышения духовности. И все же он блуждает, продолжает искать.

В Бухаре он завел тетрадочку заповедную, чтобы записывать в нее свои мысли, и время от времени к ней припадал. Где выход из положения? Где искать просвета? Он не видел просвета. В спасительность восстания не верилось, пугачевщина винила отвращение, но не было надежды и на самую возможность государственных реформ, а, значит, и какого-то коренного изменения жизни. Казалось - продолжается отупение, медленное вырождение. Ответа не было, мысли о народе оставались безнадежно-унивалы - культурная тундра. Все больше он чувствовал потребность в наставнике и учителе.

Нельзя сказать, что настроение это преобладало в его душевной жизни, но оно беспокоило как что-то смущающее и безотрадное. Достоевщина, как явление душевное и мыслительное, была ему в значительной мере противна, но не потому, что чужда, а напротив, потому, что свойственна. Единственным просветлением и, возможно, залогом будущего, оказались источники, скрытые в самом народе, в религиозной и моральной его самодеятельности, одно из ярких проявлений которого, несомненно - суфийские братства, члены которых, даже будучи поставлены в самые безнадежные обстоятельства, не теряют высоких моральных качеств, остаются внутренне свободны и продолжают жить богатой духовной жизнью. Никогда в братствах не прекращается движение умов - так или иначе мысль работает, посильно ставя и решая вопросы добра и правды.

В историческом явлении суфизма виделось ему нечто органическое, самобытное, подлинное. Братства эти живут сотни лет и духовная цепочка учителя-нейха и ученика-мюрида не прерывается. Движение не только не идет на убыль, но, напротив, распространяется. Суфии - вот духовные пионеры среди костной и темной народной массы, на которую трудно повлиять, почти невозможно сдвинуть.

Цель суфия - духовное очищение, непосредственное познание Аллаха, общение с Аллахом при жизни. Суфизм вобрал в себя идеи античной философии и теософии, соединил культовые традиции и народные верования со следованием предписаниям Корана, создал организационную форму движения - институт братств. Накибандий - самое влиятельное среди башкир и татар. Спасение - в самочинном религиозном оздоровлении...

Накшбандийские мастера говорят так. Если вы читаете, если вы практикуете, вы можете подойти для суфийского круга. Если вы только читаете, вы не подходите. Если вы считаете, что уже имеете опыт, на котором можете строить жизнь, вы можете не подойти. Одни только слова не передают смысла. Должно быть подготовлено нечто, на что слова только намекают. Одна только практика не совершенствует. Человек нуждается в контакте с истиной, первоначально в такой форме, которая может ему помочь. То, что является подходящим и неизбежным для одного времени и места, является, как правило, ограниченным, непригодным, а может быть даже препятствием в другом времени и месте. Это справедливо как в поисках истины, так и в обыденной жизни...

Надейся и живи так, чтобы ты был приемлем в суфийском круге. Не пытайся судить его или его членов, если ты не свободен от зависти. Зависть заставляет тебя верить в такие вещи, в которые ты в нормальных условиях не поверил бы. Она заставляет тебя не верить в такие вещи, в которые ты в нормальных условиях поверил бы. Если ты не можешь преодолеть зависть, проявляя ее только там, где ты можешь видеть ее действия. Не вноси ее в круг посвященных!

Заметим, однако, что в то время его собственная психология – молодого человека, ишущего своих путей в жизни – не была ясна и ему самому, он лишь чувствовал, что переживает затяжную рассеянность мыслей, в которой нет ничего фиустовского или мефистофельского, но есть свойственные молодости декламации на тему о «тайных стремлениях», «занятых мечтах», о «призывах» – вся та торжественно-унывая риторика, одно воспоминание о которой спустя годы неизменно вызывало весьма конфузливое ощущение. Словом, кризис протекал в целом безбурно с легким, по временам, налетом меланхолии, со слезой, уроненной над тетрадочкой в синюю клеточку.

Но вот очередное веяние жизни – и новый приступ меланхолического раздумья. Объявились же оно в образе Алимбека, молодого бухарского преподавателя-джадидиста, на квартире которого была устроена молодежная вечеринка по новым правилам – с поочередным выступлением всех присутствующих, начиная с хозяина. Этот последний, человек симпатичный и искренний, воспламенившись, произнес исступленную речь на тему о долге перед народом всех и каждого, в силу чего все обязаны жертвовать собою для блага народа, а кто не делает этого, тот – подлец.

«Пока мы еще не отдались всемело народной идеи, выше которой ничего уже нет; до тех пор мы – подлецы, – оратор почти кричал, – и я подлец, и вы все, и вот он (неожиданно палец уперся в самого Бируди) в том числе!»

Галимджан кивал сочувственно, с некоторою готовностью допустить такую постановку вопроса. Да ли? – да, пожалуй. Подлецы? – в известном смысле так, если уж вопрос столь заострить. Но чем более входил оратор в азарт, тем горячечнее и припадочнее делалась его речь, тем равнодушнее и холоднее Галимджан становился пока, наконец, не почувствовав такую духоту, что тут же неудержимо потянуло его назад к своим книгам – к медленным рассуждениям, к углубленной науке, к спокойной и чистой мысли!

Тем же вечером с исключительным умственным наслаждением углубился он в свои любимые книги, в свою заветную тетрадочку. Была туда вложена и страница на фарси, на которой убористым почерком была записана притча о человеке, который ходил по воде. Приведем ее, кстати.

...Один ограниченный дервиш прогуливался по берегу реки, поглядывая на воду, размышляя над моральными проблемами и произнося речи, ибо учитель, который им руководил, применяя учение именно в таком духе. Вдруг чей-то громкий голос, донесшийся с реки, прервал его размышления. Он прислушался и услыхал дервишский призыв.

«Этот человек занимается бесполезным занятием, – сказал он себе, – потому что неправильно произносит формулу. Вместо того, чтобы произносить «ай-ха», он произносит «а иа-ха».

Подумав немного, дервиш решил, что как внимательный и прилежный ученик, он обязан научить несчастного, который лишен возможности получить правильное указание от наставника, но все же изо всех сил старается привести себя в состояние, звучное формуле дервишней. Итак, он пания лодку и поплыл к острову, с которого доносился голос. В хижине он увидел человека в дервишской одежде, время от времени громко повторявшего, все так же неправильно, посвятительную формулу.

«Мой друг, – обратился к нему первый дервиш, – ты неправильно произносишь священную фразу. Мой долг сказать тебе об этом, ибо приобретает заслугу как тот, кто дает совет, так и тот, кто следует совету». И он рассказал ему, как надо произносить призыв.

«Благодарю тебя», – смиренно ответил второй дервиш.

Первый дервиш сел в лодку и отправился в обратный путь, радуясь, что совершил доброе дело. Ведь кроме всего прочего, он слышал, что человек, правильно повторяющий священную формулу, может даже ходить по воде. Такого чуда он ни разу в своей жизни не видел, но почему-то верил, что оно вполне возможно.

Некоторое время из тростниковой хижине не доносились ни звуки, но дервиш был уверен, что его усилия не пропали зря. И вдруг до него донеслось неспешительное «а аа» второго дервиша, который постарому произносил звуки призыва.

Дервиши начало размышлять над тем, до чего же все-таки упрямые люди, как отвердили они в своих заблуждениях, и вдруг замер от изумления: к нему по воде, словно бы по земле, бежал второй дервиш. Первый дервиш перестал грести и смотрел на это, как завороженный.

Подбежав к лодке, второй дервиш сказал: «Брат, прости, что я задерживаю тебя, но не мог бы ты снова разъяснить мне, как должна по всем правилам произноситься формула? Я, глупый, ничего не запомнил..»

* * *

В июне 1882 года по настоянию родителей, которые опасались за его здоровье, Баруди вернулся в Поволжье.

3.

Знак неподдельного суфия в том, что оный ощущает себя бедняком, когда богат, смиренным, когда могущественен, и неприметным, когда знаменит. Знак минимого суфия в том, что оный преподносит себя между богатым, когда беден, могущественным, когда смирен, и знаменитым среди своих последователей».

Кушайри

Отец ожидал возвращения сына с негернением. Им уже задумано было на свои средства построить медресе, где его сын смог бы себя проявить и как богослов, и как учитель. В 1883 году по проекту архитектора Ермолова им было выстроено одноглавое кирпичное здание, где разместилось в будущем знаменитое медресе «Мухаммадия». Баруди к этому времени являлся учеником-мюридом знаменитого

шейха Накибандийа Зайнуллы Расурова. По преданию, шейх Расуров заложил первый камень в основание этого медресе. При открытии медресе «Мухаммадия» Расуров произнес проникновенную речь, в которой были такие слова: «Вместе проявляйте иджтихад - усердие на пути реформы образования, служите этому пути, не враждуйте и не разделяйтесь в национальных и религиозных делах, на это я даю вам благословение».

Именно это медресе, названное в честь его отца Мухаммада, стало для Баруди основным полем деятельности. Самые сложные – первые четыре года. Традиционная система преподавания не позволяла преподавать в медресе светские дисциплины, а Баруди не хватало знаний и опыта, чтобы браться за реформирование. Желая осмысливать пройденный путь, наметить собственную дорогу, Баруди отправляется в хадж и длительное путешествие по мусульманским странам. Он посещает Турцию, Египет, Аравию. Цель он формулирует просто – изучить на месте преимущества и недостатки исламского мира. Выводы неутешительны: без приобщения к достижениям мировой цивилизации прогресс невозможен.

Как и многие другие религиозные реформаторы, главные причины, которые привели мусульманские народы к экономическому и духовному застою, Баруди видит в неверной трактовке коранических принципов. Как учат богословы, все, что с нами было и будет, записано на «Вечной скрижали», и «чернила уже высохли». Идеи предопределенности человеческих судеб ведут к фатализму и пассивности, считает Баруди. Европейская реформация сумела преодолеть эту средневековую монотонность, новая этика, утверждающая, что земной успех человека свидетельствует о его богоугодности и богоизбранныности, зовет к динамизму и активности. В мусульманских странах нечто похожее пытаются совершить реформаторы-джадиды. Баруди видит – это его путь. Он смело вступает на него. Теперь в Казани два главных сторонника реформаторской программы Исмаила бей Гаспринского - Шигабутдин Марджани и Галимджан Баруди.

Баруди пишет несколько школьных учебников по вероучению и арифметике, а также новометодный букварь «Савадхан» – «Начальная грамота», который в 1891-1915 годах переиздавался двенадцать раз. Постепенно Баруди начинает реформировать систему обучения. В 1891 году в «Мухаммадии» переходят к новому звуковому методу обучения чтению и письму.

Новометодную азбуку Баруди пишет самостоятельно. В довольно короткое время Баруди становится одним из признанных идеологов и практиков обновленческого движения среди мусульман.

Медресе после своего открытия достраивалось еще почти двадцать лет, обрастая новыми корпусами и учебными аудиториями. К началу нового века «Мухаммадия» становится двенадцатилетним, а с 1913 года – четырнадцатилетним учебным заведением. Для своего времени это крупное учебное заведение – здесь обучаются около пяти сот шакирдов и преподают двадцать муллакимов-учителей. Наряду с теологическими предметами впервые преподносятся светские дисциплины – математика, физика, география, психология, история России и тюркских народов, арабский, русский и турецкий языки. В «Мухаммадии» читаются лекции известные в то время преподаватели: курс медицины и гигиены читает доктор Терегулов, правоведения – юрист Алкин, политической истории – публицист Акчура. В медресе царят дух свободы и творчества: шакирды создают свои общества и выпускают рукописные журналы, они даже ставят спектакли, что никак не воспринимается в традиции мусульманских учебных заведений. Имя Баруди обретает славу, к нему на учебу съезжаются мусульмане со всей России, Кавказа, Туркестана, Сибири и Киргизской степи.

Баруди, как мюрид Зайнуллы Расурова, к этому времени получает от влиятельного шейха разрешение и начинает сам принимать на обучение мюридов, что вызывает у некоторых шакирдов и муллакимов недовольство, а в нелегальном молодежном журнале «Гаракки» в его адрес появляется язвительное стихотворение «Ой, шейхем Галимджан». Несмотря на то, что многие влиятельные казанские духовные лица выступают против Галимджана Баруди, он продолжает упорно распространять учение-тарика суфийского братства Накибандий, занимается духовным воспитанием своих мюридов, число которых неизменно растет и «Мухаммадию» приобретает репутацию одного из суфийских центров.

Это медресе в разное время закончили муфтий Духовного собрания М.С. Баязитов, писатели М. Гафури, Ф. Амирхан, З. Башири, Ф. Бурнаш, К. Тинчурин, Г. Камал, Н. Исабет, М. Укмаси, М. Гали и Ф. Туйкин, ученые и общественные деятели Х. Бадиги, С. Вахиди, Г. Губайдуллин, Г. Нурайбек, Г. Рахим, Г. Шараф, Х. Ямашев и К. Якуб, артист З. Султанов,

дипломат И. Амирхан, композиторы С. Габиши и С. Сайдашев, художник Б. Урманич. Некоторые из них являлись мюридами Галимджана Баруди, другие же непосредственно испытали на себе влияние суфийских обучающих историй и суфийской практики.

В трудные для себя минуты Галимджан Баруди слышит голос Исмаила бей Гаспринского, который в статье «Шейхство и шейхи» ставит его рядом с шейхом Зайнулла Расуловым, говорит о них как о выдающихся духовных искателях, которые «поистине радеют и служат интересам народной жизни и его религиозно-нравственному облагораживанию».

+ + +

Как, каким способом человек открывает в себе внутренние глубины? Сокровенное знание передается только от сердца к сердцу. Пришло время привести одну из ключевых суфийских притч, которая многое объясняет в самих принципах этого духовного поиска.

Итак, сказание о песках.

...Река, начав путь от источника в горах, миновав разнообразные местности, достигла, наконец, песков пустыни. Подобно тому, как она преодолевала все другие преграды, река попыталась одолеть и эту, но вскоре убедилась, что по мере продвижения в глубь песков воды в ней остается все меньше и меньше. Но у нее не было другого пути, как через пустыню, и положение казалось безвыходным.

Но вдруг таинственный голос, исходящий из самой пустыни, прошептал:

«Ветер пересекает пустыню, и река может пересечь ее тем же путем».

Река тут же возразила, что она лишь мечется в песках и только впитывается, а ветер может летать и ему легко пересечь пустыню.

«Тебе не перебраться через пустыню привычным испытанным способом. Ты либо исчезнешь, либо превратишься в болото. Ты должна отдатьсь на волю ветра, научится летать, и он доставит тебя к месту назначения», – сказал таинственный голос песка.

«Но как это может произойти?»

«Только в том случае, если ты позволишь ветру поглотить себя».

Это предложение было неприемлемо для реки. Никто и никогда не поглощал ее, да она и не собира-

лась терять свою индивидуальность, ведь потеряв ее однажды, как вернуть ее снова?

«Ветер, - продолжал говорить песок, - именно этим и занимается. Он подхватывает воду, проносит ее над пустыней и затем дает упасть ей вновь. Падая в виде дождя, вода снова становится рекой».

«Но как я могу проверить это?»

«Это так, и если ты не веришь этому, то не сможешь стать ничем иным, кроме затхлой лужи, и даже на это уйдут многие годы; а ведь это, согласись, не то же самое, что быть рекой».

«Но как же я смогу оставаться такой же, какой я являюсь сегодня?»

«Ни в том, ни в другом случае ты уже не сможешь оставаться такой же, - ответил шепот. - Переносясь и вновь становившись рекой - твоя суть. И даже свою теперешнюю форму существования ты только потому принимаешь за саму себя, что не знаешь, какая часть в тебе является сущностной».

В ответ на эти слова что-то шевельнулось в мыслях реки. Смутно припомнила она состояние, в котором была то ли она, то ли какая-то ее часть. И река отдалась в дружелюбные объятия ветра, легко и нежно подхватившего ее и помчавшего вдаль. Достигнув горной вершины, он осторожно опустил ее вниз и она превратилась в бурный поток. Река смогла запомнить и запечатлеть в своей памяти подробности этого опыта.

«Да, теперь я узнала свою истинную сущность», - размышила она.

Река узнавала, а пески шептали:

«Мы знаем это, потому что день за днем это происходит на наших глазах, поскольку из нас, песков, и состоит весь путь от берегов реки до самой горы...»

Вот почему говорят, что путь, которым должен пролиться поток жизни в своем путешествии, осуществляя свою непрерывность, записан на песке...

У этой суфийской истории тот особый вкус, какой бывает только у суфийских историй. Она несравненна, в ней сама тайна духовной трансформации, которая происходит с человеком, вступившим на путь суфийского познания. Важно не упустить суть, вслушавшись в эту историю, всмотреться, позволить ей проникнуть в свое существо - эта история может открыть двери, стать стимулом для коренного изменения жизни, ведь суфийские истории - не просто притчи, они существуют не для развлечения, они прежде всего обозначают, отражая запредельное, как стрелы в открытый мир или пальцы, указывающие на не-

ведомое. Как говорят суфии: «Не хватайтесь за мой палец, посмотрите, куда я указываю. Встряхнитесь, соберитесь на несколько мгновений. Слушайте так totally, как это возможно, просто сделайтесь своими ушами. Будьте...»

***

Отношение к Баруди как джадидисту, как суфийскому мастеру-ишану неоднозначно, он вынужден постоянно лавировать, но с началом Февральской революции сфера его деятельности значительно расширяется, - он участвует в работе II и III Всероссийских мусульманских съездов, его включают в центральный комитет партии «Иттифак». Баруди становится крупной политической фигурой.

Историческая справка

1917-1923 Официальное название Духовного собрания - Духовное ведомство национального управления мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Все делопроизводство национальных и религиозных институтов в Волго-Уральском регионе с весны 1917 г. переводится на татарский язык. На нем же имамами ведутся мемориальные книги.

1917, март Знаменитый имам Канишай Тарджиманов выступает в г. Казани с лекцией о реформе Духовного собрания. Он говорит, что уже в XIX веке, когда Ш. Марджани составил свой проект реформирования муфтиана, муллы выдвинули лозунги религиозной свободы, контроля над мечтесами, мектебами и бакуфами и они были учтены Марджани. Начало современных реформ Тарджиманов относит к апрелю 1905 г., когда муфтием М. Султановым был создан при Духовном собрании съезд улемов. В своих лекциях Тарджиманов обосновал необходимостьнести реформирование мусульманской жизни именно под эгидой Духовного собрания, видя в нем исторический центр всех российских мусульман.

14-17 апреля Состоялся I Уфимский губернский мусульманский съезд.

26 апреля Мусульманское «Общество духовенства» принимает проект, предлагающий возмож-

ные принципы будущего устройства России и татарского общества.

1-11 мая I Всероссийский мусульманский съезд в г. Москве. 830 делегатов на нем представляют все мусульманские области бывшей Российской империи. Представители мусульманского духовенства ведут на съезде самостоятельную политику, настаивая на параллельном существовании национальных и религиозных органов. Ключевым моментом становится заседание 5 мая, на котором Г. Баруди избирается муфтием Духовного собора.

30 мая В г. Уфе организовано Мусульманское военное шуро (собор).

1 июля Приказ военного министра Керенского об учреждении при штабах дивизий выборной должности муллы, содержавшегося за счет казны.

17-26 июля I Всероссийский мусульманский военный съезд в г. Казани, на котором создан Всероссийский мусульманский Военный Совет.

21 июля - 2 августа II Всероссийский мусульманский съезд в г. Казани. Кроме представителей татар и башкир, на нем присутствует духовенство Крыма, Кавказа, Туркестана, Казахстана и Сибири. На совместном заседании Всероссийского съезда и мусульманского духовенства принята декларация о национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири. Высшим законодательным органом утверждено Национальное собрание (Милли-меджлис), а в губерниях, где проживает мусульманское население, - Губернское национальное собрание. Объединенное заседание казанских мусульманских съездов 22 июля 1917 г., включив муфтият, как один из назаратов (министерств) в правительство национально-культурной автономии, фактически ставит духовную власть под контроль светской.

4 октября По всей стране объявлен День солдата-мусульманина. Поскольку на этот же день приходилось празднование первого дня мухаррама (первого месяца мусульманского календаря), имамы обращаются к официальным лицам с просьбой

освободить в этот день военнослужащих-мусульман для исполнения ими религиозных обязанностей и получают соответствующее разрешение.

20 ноября - 11 января Учредительная сессия Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири в г. Уфе. Принято решение об образовании Урало-Волжского штата «Идель-Урал».

3 декабря Национальная мусульманская ассамблея в г. Уфе, на которой обсуждаются проекты и предложения по созданию культурно-национальной автономии мусульман России.

Декабрь Учреждено Главное Духовное управление мусульман Башкирии.

4.

Слова, исходящие из сердца, входят в сердце, но если они сходят с языка, то не пойдут далее ушей.

Ал-Сухраварди

В 1917 году основным учебным заведением Духовного управления стало медресе «Усмания», одно из первых в России джадидистских медресе. Основателем и мударрисом его был Хайрулла Усманов - ахун Уфы и имам первого мусульманского городского прихода. Впоследствии медресе было названо в его честь.

Вначале это было обычное старометодное медресе, но Усманов постепенно менял принципы преподавания. В начальных классах было введено обучение грамоте по звуковому методу, в учебную программу были включены татарский язык, арифметика и география, при медресе открылся русский класс. Затем стали обновляться и старшие классы.

Финансовую поддержку реформам Усманова оказывали купцы Ахмад и Гани Хусаиновы. Число шакирдов медресе доходило до 500. С 1907 года, когда медресе возглавил Джихангир Абзильдин, начался новый этап в истории медресе. «Усмания» перешла на уже опробованную учебную программу оренбургского медресе «Хусаиния». Увеличился объем учебных курсов, обновился состав препода-

вагелей, улучшился быт шакирдов. Но постоянной проблемой была нехватка средств. Лишь в 1915 году медресе обрело постоянные источники существования – уфимские благотворители, отказавшись от финансовой поддержки медресе «Галия», взяли под свою опеку «Усманию».

В медресе, наряду с муфтием Г. Баруди преподавали председатель Всероссийского союза мусульманского духовенства Х. Габини, казый Г. Сулеймани, ректор медресе «Галия» З. Камали, Дж. Абзильдин, З. Кадыри, и другие.

История медресе завершилась в начале 1918 года преобразованием ее в татарскую гимназию.

5.

В апреле 1917 года мусульманское «Общество духовенства» принимает проект, определяющий будущее устройство России и татарского общества. На общественном уровне предполагается преобразование империи в республику, выборы на основе национально-пропорционального представительства и союз с общеевропейскими партиями, не выступающими против норм шариата. Тюрко-татарский язык провозглашается официальным языком. Все мектебы и медресе передаются Духовному управлению. Женщины получают равные политические права с мужчинами при сохранении норм шариата. Национальная тюрко-татарская автономия охватывает все религиозные, национальные и культурные вопросы. Центральными органами автономии провозглаша-

ются Милли Шуро – Национальный совет и Центральный религиозный совет.

Именно «Общество духовенства» стало первым органом, выдвинувшим проект национальной автономии. Заметим, этот проект коренным образом отличался от решений всероссийских мусульманских съездов 1905-1906 годов концептуацией, прежде всего, на проблемах татарского общества.

Май 1917 года. В Москве проходит I Всероссийский мусульманский съезд. Важнейший его момент – выборы в Духовное собрание. Муфтием Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири избран имам Пятой казанской соборной мечети Галимджан Баруди. Баруди удалось опередить кандидатов, среди которых были такие авторитетные люди, как С. Максуди, Х. Габини, М. Бигиев и М. Буби. Муфтий впервые не назначен императором, а избран на свободных выборах.

Членами Духовного собрания стали Абдулла Сулайманов – имам Нижегородской мечети, Кашафутдин Тарджиманов – имам мечети Ново-Татарской слободы города Казани, Худжатгул-Хаким Махмудов – имам города Тургая той же области, Салихджан Урманов – член Духовного собрания и Гумар-Карашев – имам казахской Букеевской Орды.

Наконец, одним из казыев Духовного собрания стала Мухлиса Бобинская (Буби). Таким образом, впервые в истории мирового мусульманства одну из высших духовных должностей мусульман заняла женщина. Это произошло в то время, когда в мусульманских странах даже посещение мечетей для

Медресе «Усмания» при Первой соборной мечети Уфы было открыто в 1887 году, а в 1906 году закончилось строительство для нее нового двухэтажного каменного здания с объемами флигелями, выведенного на средства губернской земской управы и добровольные пожертвования мусульман. В настоящее время здание занимает городская школа

женщин было запрещено! Вместе с ней казыями Духовного собрания избраны Салихжан Урманов, Каншафутдин Тарджиманов и Габдулла Сулейманов, представляющие джадидидов и в большинстве своем являющиеся известными общественными деятелями.

На этом мусульманском съезде был образован исполнком Мусульманского совета, который являлся единственным всероссийским мусульманским органом до момента возникновения Национального собрания и «Милли Идара» - Национального управления, игравшего руководящую роль.

С середины мая исполнком, который вскоре стали именовать «Икомус», начинает заседать в Петрограде и перед ним встает вопрос: ограничиваться ли рассмотрением исключительно политических вопросов или взять на себя управление также и культурно-просветительскими и религиозными делами. После обсуждения Икомус постановляет, что берет на себя контроль и руководство всем кругом проблем российских мусульман.

Одним из первых крупных конфликтов вскоре стало столкновение Икомуса с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий. Причиной конфликта было назначение департаментом бывшего муфтия М.С. Баязитова на должность помощника ахуна Петроградского военного округа. По этому поводу Икомус в июне 1918 года обратился к товарищу министра внутренних дел по Департаменту духовных дел С.А. Котляровскому с официальным письмом. Икомус просил назначить расследование, «по чьей вине деятель реакции был назначен помощником на пост ахуна, имеющего немаловажное значение в настоящее время продолжающегося народного движения и общей смуты». Икомус требовал провести расследование и отстранить виновных от занимаемых должностей. Со своей стороны, Икомус винил в происшедшем исполняющего обязанности директора департамента Г.Н. Тарановского.

Отвечая на запрос Икомуса, Департамент духовных дел оправдал действия Г.Н. Тарановского и объяснил назначение Баязитова недоразумением. Расследование обвинения по адресу Тарановского департамент посчитал излишним, мотивируя это тем, что Тарановский заслуженно пользуется доверием правительства. Икомус по этому поводу выпустил воззвание-протест, заявив, что до удаления Г.Н. Тарановского с занимаемой им должности прерывает

всякие спонсирования с Департаментом духовных дел, о чем доводят до сведения как правительство, так и мусульманское сообщество России. Этот протест-воззвание был, впрочем, забыт почти сразу же после того, как он был принят – как ни в чем ни бывало Икомус продолжал отношения с Департаментом духовных дел, хотя Тарановский с должности не был удален. Икомус продолжал вести дела и с самим Тарановским. Нужно сказать, что особым авторитетом среди мусульманского населения и духовенства Икомус не пользовался.

На заседаниях Икомуса решено было созвать II Всероссийский мусульманский съезд в конце июля, в Казани. В эти дни здесь проходил своеобразный смотр сил: единовременно заседали три съезда – мусульманский, военный и съезд духовенства.

Но главное было впереди. 22-го июля состоялось объединенное собрание всех трех заседавших в Казани съездов – II Всероссийского мусульманского съезда мусульманского духовенства и Всероссийского мусульманского военного съезда. Собрание открылось чтением Корана и часто прерывалось восклицаниями «Аллах Акбар!» На этом собрании, объединившим участников трех предыдущих мусульманских съездов, было вынесено постановление об объявлении культурно-национальной автономии мусульман Внутренней России и Сибири. На дальнейших заседаниях были избраны исполнительные органы автономии в лице трех министерств: духовного, просвещения и финансов, а также особая коллегия по организации автономии.

Значительную роль в происходящих событиях сыграл мусульманский военный съезд, представляющий силу, с которой нельзя было не считаться. Заметим, что когда был поднят вопрос о созыве этого съезда, Временное правительство не дало на то разрешения, и военный съезд был создан явочным порядком. На нем были вынесены три важных постановления: о создании Всероссийского мусульманского военного штуро-совета и национальных войсковых частей, а также был выработан план объединения воинов-мусульман для подготовки к выборам в Учредительное собрание.

Повопросу формирования отдельных мусульманских войсковых частей Временному правительству от имени трех мусульманских съездов была подана докладная записка, в которой идея об образовании мусульманских частей аргументировалась следую-

шим образом: «Правильная организация мусульманских частей в военно-демократических войсковых организациях даст возможность вести культурную и просветительскую работу... Для поддержания духа армии играет известную роль момент религиозный, напутствие, благословение войск духовенством, воодушевление последним солдат в критические военные минуты». Временное правительство заверялось в благонадежности мусульманских войсковых частей, как пример приводилась мусульманская туземная дивизия. Но эти аргументы не были приняты, наоборот, правительством было выдано распоряжение считать членов Военного шуро дезертирами, которых, арестовав их через милицию, требовалось препроводить по своим войсковым частям. Относительно же организации отдельных мусульманских войсковых частей правительство не стало даже вести переговоры.

Таким образом, члены Мусульманского военного шуро очутились на положении дезертиров. Такое положение не могло продолжаться долго, чтобы прояснить ситуацию, в Петроград выехала делегация в составе трех лиц - Илиасавея Кутушева, Усмана Токумветова и Ильяса Алкина. К ним присоединились еще три представителя Милли Шуро. Вот что рассказывал один из участников этой поездки: «Более четырех суток мы добивались приема главы Временного правительства - Керенского и не добились. Нас удостоил своим приемом Некрасов... Гражданин Некрасов наше заявление выслушал и предложил повременить. В это время в Москве созывалось Государственное совещание и поэтому все вопросы, связанные с национализацией и прочее, должны разрешаться после него. Итак, до конца совещания, мы ответы на наши законные требования получить не могли».

Вероятно, и Государственное совещание не помогло бы решению вопроса, если бы не произошло непредвиденное. Им стало выступление генерала Корнилова. После того, как были получены первые сведения о корниловском выступлении, Военное шуро заявило, что воины-мусульмане готовы стать на защиту интересов Февральской революции, что они «с оружием в руках не допустят Корнилова совершившего свое преступное дело». Правительство не оставило без внимания это заявление и конкретные действия военного шуро. Теперь уже сам Керенский принял делегацию и заявил, что по вопросу о создании мусульманских войсковых частей - полков, дивизий, корпусов и армий - со стороны правительства

нет принципиального противодействия. Представители шуро из положения дезертиров мгновенно оказались в роли активных участников политического процесса.

Таким образом, через два месяца после своего возникновения, шуро получило юридические права и возможность приступить к осуществлению постановлений I Всероссийского мусульманского военного съезда. Но теперь оно столкнулось с препятствиями внутреннего характера - отсутствием подготовленных сотрудников и нехваткой денежных средств. Самое же главное состояло в том, что оно не пользовалось доверием широких слоев населения, а в некоторых российских губерниях, как, например, на Южном Урале и в Сибири, шуро напрямую называли самозванцами, и не признавали его высшим органом воинов-мусульман...

Между тем, нарастают силы, раздирающие страну на куски. Бурлит Кавказ, второй год огнем джихада охвачен Туркестан, независимости требуют Финляндия и Польша, все сильнее национальные движения в Прибалтийском kraе и на Украине.

6.

Осень 1917 года. Чувствую почти физически, как раскалена атмосфера первого года революции. Сычу треск уличных костров, соленую солдатскую речь, хлопки выстрелов. Вижу, как бьются затылком о щебенку тела расстреливаемых - мародеров, карманничных воришек и просто голодных крестьян.

Предсмертный трепет. Тяжелая икота. Телами, вздрогивающими, без счета усеян каждый новый берег... Вместо России - изуродованное и расчлененное на куски ее тело. Вместо свободы - властвующий над всеми застенок, новое «слово и дело». Вместо тысячелетнего царства в кисельных берегах - безработные и одичавшие беспризорники.

Несправедливое, суровое время. Не было торжества, было крушение и погребение. Под развалинами похоронены оказались вымыслы и мечтания не одного поколения российских мечтателей, искателей града божья. Развенчаны и посрамлены. Но в этом чадном дыму поднимали уже головы миллионы людей, озаренных новой верой. Началось строительство новой земли и нового неба...

Пожалуй, в октябре 1917 года под крайними левыми лозунгами к власти пришла единственная

сила, которая смогла предложить разваливающейся империи идею наднациональной и сверхнациональной общности. Идею не религиозную - в стране, население которой исповедует различные религии, это привело бы только к усилению розни. Напротив, большевики провозгласили отделение церкви от государства, чем, может быть, спасли государство, и провозгласили идею строительства социалистического общества. Как только была сформулирована идея, появилось моральное оправдание применению и власти, и силы, была сохранена в основном государственная целостность, удалось вступить в наследство империей, ни с кем ее не деля. Большевики победили, потому что смогли использовать все силы имперского притяжения: по железным дорогам империи они бросили железные дивизии, бронепоезда, железной рукой снова стянули распадающийся государственный каркас и дали всему новое, наднациональное оправдание.

Но осенью 1917 года опасное разделение только нарастало. Приближался Октябрь, политическая атмосфера в России стушкалась, неизбежность революции становилась все очевидней, и правительство, все менее доверяя взбудораженным революционными идеями русским солдатским массам, в растерянности идет на переговоры с мусульманским шуро, ища в нем возможного неожиданного спасителя. Правительство дает принципиальное согласие на создание мусульманских войсковых частей.

Соответствующие документы были уже готовы, когда стало известно о распуске Учредительного собрания. Икомус в этот момент выпускает воззвание, обращенное ко всем мусульманам России с призывом защищить законную власть, а члены Икомуса выезжают в населенные мусульманами губернии и призывают к свержению Советской власти. Военный шуро объявляет, что он двинет против новой власти мусульманские войсковые части и вступает в переговоры с частями Белой гвардии и Украинской Радой, в союзе с которыми предполагает выступить против большевиков. В мусульманских общинках развертывается большая организационная работа, объявляется созыв II Всероссийского мусульманского военного съезда. В мусульманских центрах начинают концентрироваться мусульманские войсковые части: в Казани - до двадцати, в Уфе - до пятнадцати, в Оренбурге - до десяти тысяч мусульманских солдат. Мелкие войсковые соединения мусульман

возникают в Самаре, Екатеринбурге, Астрахани, Иркутске и Омске.

В этой горячке 20 ноября в Уфе открывается Национальное собрание мусульманской автономии. Когда его левое крыло, представленное татарскими и башкирскими левыми эсерами, предлагает направить приветственную телеграмму Совету народных комиссаров, это предложение с негодованием отвергается, а председателю Икомуса А. Цаликову, в ответ на его вопрос, можно ли ему согласиться на пост комиссара по делам мусульман, предложенный ему большевиками, Национальное собрание официально запрещает вступать в любые переговоры с большевиками. На заседаниях Национального собрания вырабатывается Конституция о «Национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири». Вскоре этот документ публикуется. Приведем те его положения, которые касаются управления религиозной жизнью, а также те, которые стали, в конечном итоге, неприемлемы как для широкого мусульманского общества, так и для центральной государственной власти.

«Мусульмане тюрко-татары Внутренней России и Сибири образуют добровольный личный союз - (нацию), обладающий в отношении своих членов принудительной властью. Высшим органом самоуправления является Национальное собрание, которое в области религиозных и культурно-национальных дел, а также в деле общественного признания и национального налогового обложения обладает законодательными правами. Национальное собрание в лице его исполнительных органов назначается представителем нации в сношениях с государством. Эти дела изымаются из области общегосударственного (областного, краевого, земского и городского) законодательства и управления и подлежат исключительно ведению органов Национального самоуправления. Для осуществления религиозных и национальных нужд тюрко-татарская нация имеет право облагать своих членов специальным налогом.

Все письменные и устные сношения органов управления (центральных и местных) и органов самоуправления (земского и городского) с учреждениями и отдельными членами тюрко-татарской нации, равно с общими учреждениями, когда они состоят целиком из членов тюрко-татарской нации... ведутся на тюрко-татарском языке.

Национальное управление есть Центральный исполнительный орган Национального собрания, ведающий всеми национальными делами тюрко-татарской нации. Национальное управление состоит из председателя и трех ведомств: духовного, просвещения и финансов.

Духовное ведомство ведает нижеследующими делами: изданием религиозных заключений-фетв, рассмотрением и разрешением вопросов веры и богослужения, наследственным и семейным шариатским правом, утверждением вакуфных дарственных и завещательных актов, учреждением приходов, разрешением и постройкой мечетей; утверждением в духовной должности и удалением с нее имамов и музэдзинов, опротестованием выборов окружных и районных мухтасибов, подготовкой лиц на духовные должности преподавателей духовных учебных заведений, общим надзором за постановкой преподавания вероучения во всех учебных заведениях, цензурой Корана и богословских сочинений, управлением духовными школами-мадрасе.

Территория России, на которую распространяется настоящий Закон о национальной автономии мусульман, тюрко-татар Внутренней России и Сибири, делится на основании особого положения на округа. В национальных округах все дела религиозные, народного образования, финансовые, общественного признания разрешаются на основании инструкций, изданных Национальным собранием.

Право пересмотра и изменения основных законов о национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири принадлежат Национальному собранию...»

С одной стороны, Национальное собрание выполнило возложенную на него II Всероссийским

мусульманским съездом миссию: приняло проект «Основ культурно-национальной автономии» и сформировало правительство - Национальное управление тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири, но под давлением радикально настроенной татарской интеллигенции из числа так называемых «территориалов», оно приняло также проект об образовании в центре России автономного территориального штата «Идель-Урал», включающего в себя территории Казанской и Уфимской губерний, а также некоторых соседних областей.

Как могло быть принято такое решение? Многое, видимо, объясняется тем, что в огромном государстве чрезвычайно слаба оказалась центральная власть. Большевикское правительство на местах не признают, и в различных регионах появляются свои сторонники территориальных автономий. Так, в конце 1917 года создаются Кокандская автономия в Туркестане, Алаш-Орда в Казахстане, возникает автономия Башкурдистана, затем на Северном Кавказе образуется Союз горских народов и казаков...

Баруди возглавил создание на основе уфимского муфтията Министерство духовных дел - Диния назарат - учреждение, ставшее частью Центрального национального управления тюрко-татарской автономии. При этом произошла передача медресе и мектебов из ведения муфтията в отдельное министерство образования, сокращение финансовых поступлений и связанных с этим возможностей. Права бывшего Духовного собрания оказались значительно урезаны!

Трактовка этих событий и отношение к ним муфтия Галимджана Баруди прямо противоположны. Можно встретить мнения, что муфтий,

На Всероссийском съезде мусульман в мае 1917 г. Галимджан Баруди был избран муфтием и председателем Духовного управления мусульман

сочувствуя идеи религиозно-национальной автономии, смиренно соглашается на роль рядового министра и входит в состав членов Национального управления, терпеливо относясь к ограничению своих полномочий. С этим можно было бы и согласиться, если бы не весьма красноречиво высказанное мнение об этих событиях самого Баруди. В своей «Памятной книжке» он говорит о принципиальных противоречиях, которые с возникновением Национального собрания возникли между мусульманским духовенством и атеизированными реформаторами.

«Нация, и стар, и млад, издавна возлагала на нас большие надежды. Мы выработали идею постепенного действия, считая свойственный социалистам метод разрушения неприемлемым. Но возникло Национальное собрание и развеяло наши планы, ограничив, как и прежде Романовы, нашу силу и энергию.

Испугавшись успехов шариатского учреждения, позавидовали рождению прекрасных дел по укреплению религии, и совсем не захотели заниматься вопросами. Создали Милли идара (Национальное управление тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири - С.С.) и передали в его ведение муфтия и казыев, и все Духовное управление.

Следствием этого стало большое ослабление и оскорблечение указанного управления, отцов нации, верующих, это погасило их радость, отняло духовность и инициативу в области школ и медресе, оказалось возможным вершить экономические дела при посредстве учреждения, именуемого министерством финансов. Школы и медресе, на которые управление возлагало великие надежды, оказались в плачевном положении. Это вызвало в народе враждебное отношение... и сами оказались в катастрофическом состоянии».

Фактически, Баруди указывает, что именно пренебрежение к мусульманскому духовенству, выказанное руководящими органами тюрко-татарской автономии превратили их в исторический эпизод недоразумение. Попытка осталась нереализованной, век национально-религиозной автономии оказалась недолгой. К моменту ее возникновения уже был организован большевицкий Центральный Комиссариат по делам мусульман, который взял в свои руки руководство начавшейся борьбой на местах. Этот ко-

миссариат возглавил Мулла-Нур Вахитов, ставший вскоре лидером мусульманских большевиков и организатором Казанского мусульманского социалистического комитета, а также Галимзян Ибрагимов и Шариф Монатов, представлявший ориентирующуюся на Советскую власть часть башкирских народных социалистов, - их главным революционным штабом стала Уфа. Областные и губернские мусульманские комиссариаты возникли и в других губерниях, населенных мусульманами.

В апреле 1918 года большевики приняли решение о распуске Национального управления тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири. Его подписали И. Сталин и М. Вахитов. Особо было отмечено – сохранить Духовное управление в Уфе с условием его невмешательства в политические дела.

Муфтий Баруди и казы Диния назарат, религиозного министерства, выпустили тогда взвывание, в котором предупреждали авторов этого решения об ответственности перед Аллахом, грозили им судом нации и истории. Ничего, однако, нельзя было уже изменить – Икомус был разогнан, члены Военного штурма арестованы, созванный было мусульманский съезд распущен. Та же участь постигла и Национальное собрание национально-религиозной автономии. Многие мусульманские войсковые части, зараженные идеями большевизма, перешли на сторону Советской власти.

Главная причина упразднения национально-религиозной автономии некоторым историкам видится в утопичности самой идеи о единой тюркской политической нации, ибо, как оказалось, национальная консолидация опирается на более земные вещи – языковую и культурно-бытовую общность, единый образ жизни и хозяйствования. Так, для башкир объединяющим началом на протяжении веков служила борьба за сохранение вотчинного землевладения, как гаранта их экономической самостоятельности, а идею единой тюркской нации основной массе башкир навязывала достаточно далекая от их нужд, чужая им по социальному статусу казанская интеллигенция. Похожая ситуация сложилась по отношению к идеям национально-религиозной автономии и у казахов.

Среди причин того, что мусульманская национально-религиозная автономия не состоялась, было и усиление центробежных тенденций, которым

подчинились не только окраинные народы бывшей империи, но и территории внутренней России. В это время часть национальных окраин, уже заявивших о своем суверенитете, возвращается в ее состав. Так, в Туркестане власть переходит в руки Краевого совета и исполкома Ташкентского Совета, а в феврале 1918 года краевой съезд Советов принимает «Положение о Туркестанской советской федеративной республике» в составе РСФСР. Часть мусульманского населения восприняло это как наступление на ислам, началась организация партизанских отрядов, члены которых получили название басмачей. В марте 1918 года публикуется декрет об объявлении части территории Южного Урала и Средней Волги Татаро-Башкирской советской республикой в составе РСФСР. В мае съезд Советов Кубани и Черноморья провозглашает Кубано-Черноморскую республику составной частью РСФСР. В это же время образуется Донская автономная республика и Советская Республика Таврида в Крыму.

Провозгласив Россию федеративной республикой, большевики поначалу не определили четкие принципы ее устройства. Многими она мыслилась как федерация Советов, то есть территорий, на которых установлена советская власть. К примеру, Московская область, входящая в состав РСФСР, представляла собой федерацию четырнадцати губернских Советов, каждый из которых имел свое собственное правительство. Смешно ли это? Посмеяться можно было бы, если бы история не повторялась...

По мере укрепления власти взгляды большевиков на строительство федеративного государства стали более определены. В составе Российской Федерации были созданы сначала Башкирская, а затем Татарская, Киргизская (Казахская), Горская и Дагестанская национальные автономные республики, а также Чувашская, Калмыцкая, Марийская, Удмуртская автономные области, Карельская трудовая коммуна и Коммуна немцев Поволжья.

Заметим, в первые послереволюционные годы большевики старались учитывать религиозное и национальное лицо большинства из малых народов. В мусульманских республиках духовенству возвращались принадлежавшие им ранее земли, восстанавливались шариатские суды. Партийчики и администрация на местах проявляли терпимость в отношении мусульманских норм, в том числе и для коммунистов.

Муфтий Галимжан
Баруди

Значительные средства выделялись на развитие народного образования и организацию национальных издательств. В то же время, несмотря на заявления о неприкосновенности мусульманского образования, уже в 1918-1920 годах крупнейшие новометодные медресе - уфимские «Галия» и «Усмания», оренбургская «Хусаиния», троицкая «Расулия» и казанская «Мухаммадия» были преобразованы в светские учебные заведения.

Особое внимание центральные органы власти уделяли развитию малых народностей, особенно народов Севера, занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством. Они получили право на самоуправление с учетом традиций и хозяйственного уклада. Так возникали туземные управы и родовые Советы и исполкомы.

Одно из направлений внутренней политики этих лет - так называемая «коренизация» с целью привлечь представителей местных народностей к государственному управлению. На административные должности в приказном порядке назначаются коренные жители, с помощью льгот и «национальных наборов» в учебные заведения проводится ускоренное обучение людей, из которых создается местная элита, лояльная новой власти. Ее представители выдвигаются в директорский состав, на административные должности. Такая политика имеет обратную сторону - нередко она обличается ущемлением прав других национальностей, создает новые проблемы...

Отношения Духовного управления с Советской властью складываются непросто. Первая встреча муфтия Галимджана Баруди с большевистскими лидерами состоялась в Москве в мае 1918 года. Результатом встречи с новым руководством страны, в первую

очередь со Сталиным, муфтий остался неудовлетворен. Возможно, он посчитал новую власть временной и соответственно к ней отнесся.

Историческая справка

1918 январь Начато издание в г. Уфе журнала «Самоопределение» («Мухтариат»), преемника «Вестника Оренбургского Магометанского Духовного собрания». «Мухтариат» учреждает Национальное управление тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Выходил нерегулярно, печаталось в типографии газеты «Тормоз». В нем публиковались распоряжения, указания, обращения и разъяснения по актуальным проблемам жизни мусульманских общин. В июне 1918 г. закрыт в связи с упразднением Национального управления.

6 января На следующий день после провозглашения Российской Федеративной Республики Национальное собрание (Милле Меджлис) заявило о создании в составе федерации штата Идель-Урал и приняло решение о порядке создания нового государственного субъекта. Татарскими представителями создана «мусульманская социалистическая фракция» в которую вошли А. Цаликов, С. Салихов, Ф. Туктаров, И. Мухамедьяров, Ш. Сунчалей, А. Мухаметдинов, Г. Ильясов и М. Ахмеров. На встрече с И.В. Сталиным члены фракции отказались от признания Советской власти и сотрудничества с ней.

20 января Собиарком РСФСР принимает декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (впоследствии утвержденное следующее название декрета – «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»), который становится основой религиозной политики Советского государства. С этого времени в России начинает осуществляться концепция атеистического государства, главным элементом которого становится атеистическая пропаганда и вытеснение церкви из всех сфер жизни общества. Отделение церкви от государства и школ от церкви было в основном завершено к середине 1920-х годов.

Издан декрет о правилах ведения актов гражданского состояния, по которому ведение метрических книг изымается у мусульманского духовен-

ства и передается в местные органы Советов. Это постановление вызвало протесты как в мусульманской прессе, так и со стороны религиозных учреждений. В частности, в газете «Иттифак» опубликован протест Духовного управления против данного декрета, а также некоторых других постановлений Советской власти, ограничивающих полномочия мусульманского духовенства.

31 января - 1918, 7 июня Издание газеты «Иттифак», официального органа «Всероссийского союза мусульманского духовенства» («Всероссийского союза улемов»). Этот религиозный союз образован на I Всероссийском съезде мусульманского духовенства, состоявшемся летом 1917 г. в г. Казани. Тогда же была обсуждена программа и цели будущей газеты.

12 апреля Принято решение о распуске Национального управления тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири, которое подписали И. Сталин и М. Вахитов. Центральное Духовное управление мусульман временно восстанавливает свою самостоятельность и независимость от Советской власти.

Июнь Г. Баруди и казань от имени муфтия подписывают поздравление в адрес командования белогвардейских частей в связи с избавлением г. Уфы от власти большевиков.

1919 Медресе «Галия» в г. Уфе преобразовано в светскую мужскую общеобразовательную школу второй ступени для башкир и татар. Позже в здании размещается школа-интернат № 92.

В г. Уфе открыт Музей народов Востока.

1920, 16-25 сентября I Всероссийский мусульманский съезд в Уфе под председательством муфтия Г. Баруди. На съезде уточняется структура и формы управления Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), как религиозного управления мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана, преемника Оренбургского магометанского духовного собрания. Структура Духовного управления трехступенчатая: высшая (муфтият в составе председателя - муфтия и шести

члебоб-кальчев), средняя – мухтасибат из трех человек во главе с мухтасибом; нижняя – мутаваллият из муллы, мулдзина и секретаря-казначея при каждой мечети. Одним из вопросов повестки дня на съезде стало ознакомление с Конституцией РСФСР.

1921-1922 Засуха и голод. Эпидемия холеры с высоким летальным исходом. Голод охватывает 95% населения Малой Башкирии и Уфимской губернии.

5.

В 1917-1926 годах от войны, подавлений и голода погибло свыше миллиона башкир, или 58,7 процента исходного предреволюционного населения. Трагедия башкирского народа в революции большевиков – один из самых больших (и самых неизвестных) геноцидов в мировой истории.

Александр Солженицын

1921-й, год невиданной засухи.

Яровые посевы не взошли. Травы под солнечными лучами выгорели. У деревьев поредели листья. Белая и Уфимка сильно обмелели, а Дема превратилась в небольшой ручей, который почти в любом месте можно было перейти вброд.

Уже в июне из-за отсутствия кормов невозможно стало содержать скот, и крестьяне стали забивать лошадей и коров. На прокорм мелкой живности собирали лебеду и перекати-поле. А с июля попала под деревням черная саранча – вооруженные продотряды. Найденное зерно выметали до последнего зернышка. Отбирали все, вплоть до семян конопли, хранившихся на чердаках, и заготовленных на случай голода семян лебеды. Народ говорил так: «После продотряда и курица не найдет, чего каюнуть!»

Деревня жевала памолоченные лебеду, перекати-поле, речные ракушки. В печь попали кошки и собаки. Неизвестно, какой ценой сохраненный в некоторых хозяйствах скот прятали в избах, кормили соломой с крыши...

С наступлением зимы голод принял чудовищные размеры. Люди обессиляли до того, что скончавшиеся тела умерших стали закапывать в одну могилу.

В это время большевики пытаются преодолеть народные бунты с помощью усиленной пропаганды. Создаются бригады агитаторов, им в сентябре 1921 года рассыпается руководство к проведению «Недель помощи голодающим». Приведем основные положения этого руководства.

...Без агитаторского слова нельзя представить ударной кампании. Агитатору необходимо выдвинуть значение «Недели», как главной ударной формы борьбы с голодом. «Неделя» помощи голодающим должна быть моментом подъема трудящихся на высочайшую ступень духа, когда сердца зажигаются священным огнем, очищаются от мелочности и ведут на величайшие дела и подвиги.

...Необходимо указать на то, что неурожай и голод в России являются следствием не только стихийных явлений и сил, не только следствием природных явлений, но и следствием отсталости сельского хозяйства, то есть следствием социально-экономическим. С этой целью нужно характеризовать положение крестьянского хозяйства при самодержавно-помещичьем строе, подчеркнуть все отрицательное влияние этого строя. Затем нужно фиксировать внимание слушателей на том, как губительную отразилась империалистическая война на нашем советском хозяйстве, отметить, попутно, что империалистическая война явилась следствием всей сущности буржуазно-помещичьего строя.

...В дальнейшем агитатор переходит к изложению того, как относилось к голоду и к борьбе с ним самодержавное правительство. Господствующие классы если и брались за дело помощи, то подходили к этому делу с точки зрения своих классовых интересов: помогая одной рукой – другой загребая на этом деле барышни.

...Совершенно другое отношение к голоду и к борьбе с ним со стороны Советской власти. Эта власть не скрывает размеров бедствия, ибо ей не зачем и не от кого скрывать: между ней и трудящимися – полное доверие, общий язык, общие интересы. В отличие от старого строя Советская власть призывает к широкой самодеятельности и выдвигает, в качестве основы, не принцип филантропии (благотворительности), а принцип органических мер и, прежде всего, поднятие (рационализацию) сельского хозяйства, освобождение его от разрушительных сил природы.

...Конечно, в условиях того международного положения, в котором находится Советское государ-

ство (капиталистическое окружение) голод приобретает и у нас острое политическое значение. Причина этому ясна: стремление мировой буржуазии и русских буржуазно-номенклатурных кругов использовать голод, как средство свержения ненавистного им пролетарского государства. Поэтому та помощь, которую собирается оказать нам мировая буржуазия, есть сплошное лицемерие, есть шаг, преследующий политические цели.

...Далее выступающий товарищ переходит ко второй части доклада, к конкретным мерам борьбы с голодом. Тут, между прочим, следует подчеркнуть, что слабые ресурсы государства требуют пополнения их всеми гражданами тем, что они могут дать!

6.

Из записок Хасана М. (в другом варианте написания - Гасана), временного секретаря и переводчика уфимского муфтията.

Осень 1921 года.

...Снег, мгла, мороз, солнца как будто и на свете нет.

...Повесткой пригласили в городской комиссариат. Религиозными вопросами там ведают немолодые еврейки акушерского вида, с толстыми портфелями. Накинулись со всех сторон - почему не зарегистрировались где-то, в каком-то журнале. Я отвечаю: мы этого дела не знаем, мы и рады бы, но...

Говорили, что председатель башкирского ЦИКа, политический секретарь обкома, нарком и прочая, и прочая... ищут разговора с членами Духовного управления (сказали: «он разыщет и тогда уж поговорит» - как будто бы кто прячется), чтобы обсудить вопросы об участии духовенства в «Неделе помощи голодающим».

«Сотрудники Диния назарат, как советские люди, приглашаются на встречу с «Помголода», - акушерки говорили повелительными скрипучими голосами. Удивительна их способность к мертвому бюрократизму, к спору о бумагах и ведомостях без заботы о сущности. «Конечно, лучше вас изничтожить», - это было сказано вполголоса, и уже в спину. Однако настроение почему-то бодрое, веселое.

...На другой день в десять утра были в приемной наркома. Кроме нас в комнате находилось еще человек шесть-семь просителей. Два челове-

ка сидели, остальные озабоченно стояли у стены, вздрагивая при каждом шуме. При входе в кабинет наркома сидел за столом, развалившись, какой-то дежурный в кожанке, весь опоясанный ремнями и ремешками.

Как-то было страшно тихо. День нахох пробивался сквозь замерзнувшие стекла, никто ничего не говорил. Военные, не глядя на посетителей и не спрашивая очереди, быстро вбегали в кабинет и выбегали назад, да дежурный за столом гремел иногда своей сбруей, переступая с ноги на ногу.

Подошло еще человека два просителей, и дежурный стал опрашивать каждого, - кто, зачем? Последним он подошел к нам и сказал, что нас с минуты на минуту примут.

Наконец двери отворились, и вошел нарком, знакомое лицо. Наружность его не имела в себе ничего дурного: высокий, лицо чуть измято, устало, прямой доброжелательный взгляд. Поздоровался - сухие чистые руки. Первое впечатление хорошее, но, чувствовалось (или настроился уже заранее), что за этим стоит нечто такое, чего сразу и не уловишь.

Благосклонно он улыбнулся и отправился к просителям. Очень мало говорил с ними, брал бумаги, бросал на них взгляд, потом передавал дежурному.

Галимджана-хазрата провел в кабинет чуть ли не под руку, всех нас усадил, начал не в митинговом, а в самом задушевном тоне: «Мы все - советские люди, и в этом наша величайшая удача. Мы должны быть достойны своей эпохи. Всякие дрянцы, запреты - все это временно и для большевиков нетипично (так и сказал - «нетипично!»). Мы еще доживем до полнейшей свободы и доверия друг к другу, о которой в буржуазных странах и не мечтают!»

Потом он говорил что-то об отношении к голоду в Урало-Поволжье международного пролетариата: «Международный пролетариат, братски и искренно помогающий нам, подходит к голоду с политической стороны... Мировая буржуазия стремится использовать голод в политических целях... Голод на международной арене является фактором углубления... В обстановке нарастающей мировой революции нельзя иначе...»

Все это говорил человек, который пишет рассказы, стихи. Говорил так искренне, не задумываясь,

выверено, отчтально, что ему хотелось верить. Но казалось, однако, что он притворяется в том, что не верует в бога, притворяется, что знает ответы на все вопросы. Как это может совместится в одном? Носит в известке своих костей любовь к человеку, а вынужден притвориваться? Лицо у самого идет пятнами, а должен стрелять в чужой лоб? Пусть не сам, но, говорят, у них принято при особо важных делах присутствовать лично?

Потом сказал так: «Скоро все поймут, что любой другой строй хуже большевицкого». И так широко улыбнулся, открыто так, чисто, что подумалось – вот какой добрый человек! Должность только мерзкая. Одна черта при всей его открытости настораживает: шагает так, будто у него очень тесные башмаки.

Кстати, о башмаках. В разговоре с ним, когда он говорил о том, что его сотрудники умирают за идею, хазрат заметил, что эти самые сотрудники выделяются среди горожан особо добротной одеждой. Начальник как-то весь сразу взвился: «Вы говорите, что наши сотрудники одеты как буржуи? (Никто так не говорил!)... Ну и хорошо, пусть наряжаются. Всей не будет. Пусть ковер купят. Пусть купят себе картины и повесят на стену. Человек изменится. Радостней будет и сам, и жизнь вокруг станет радостней!» Отвечать он, несомненно, умеет, признаем смиренно.

Суммируя впечатления: лично к нам он отнесся хорошо, но если ему велият нас четверговать, он добровольно это выполнит и об этом отрапортует, хотя потом, может быть, напытается и будет говорить, что ему всех жаль, что они (мы) были очень хорошими людьми. Человек с двойной душой. У нас таких много...

На следующий день в библиотеку Диния назарег от комиссаров привезли брошюры Троцкого. Бесплатные, пять штук. Говорят – приказ наркомата, каждая библиотека должна теперь иметь, пусть стоят на самом видном месте! Это следовало, видимо, понимать как ответ на некоторые вопросы, заданные нами при вчерашнем разговоре. Должно быть, так уточнялась подчиненность, или еще какое-то более глубокое во всем этом содержалось изузитство.

Уважаемый казый Ризаэтдин-хазрат, разговаривая с комиссарами и принимая эти брошюры, просто побелел от волнения. Когда Галимджан-хазрат попросил позже, чтобы принесли посмотреть,

что за непрошеные подарки прислали, принес их почему-то не библиотекарь, а сам Ризаэтдин-хазрат Фахретдин.

Уважаемый муфтий раскрыл книжку и понял. На первой странице портрет, и прямо на лицо Троцкого, где на лоб, где на глаза, поставлены печати и учетные записи.

Ризаэтдин стоял, слегка склонив голову. Лицо торестное, но непоколебимое. Глаза чистые, отчтливые. Весь, как гравюра. Живет среди пыли, в духоте, без неба, любит свои каталоги, книги, рукописи, читателей. Иногда лишь выходит в сад посидеть на лавочке, говорит – «вот моя дача». Он – наше золото. В его архив входишь, как в собор. Свет его личности таков, что неизбежно заставляет думать о том, как построить свою собственную жизнь и сохранить в этом мире себя, свою душу.

Галимджан-хазрат ни о чем не стал говорить, просто досадливо махнул рукой – как Троцкий будет стоять рядом с хадисами и трудами Шагабутдина Марджани?

...Шли с казыем Салихджаном Урмановым по улице Центральной. Забавные в городе появились плакаты. В оконке выставлен кусок патмана, там что-то о сверхчеловеке и подписано: «Так говорил Заратустра». Заратустра в Уфе!

Встретили Еникеева, бывшего банкира и заводчика. Тут же он без повода заговорил о турках – «турки то, турки сё». Печатают такие-то газеты, открыли, молодцы, то-то и то-то. В общем, распекал нас обоих за то, что мы не турки. Мы вежливо соглашались. Раньше была значительно вежливей, благородней, деликатней. Скорее всего, побежиг от голода в Стамбул, настраивается на поездку, нам подсказывает дорогу...

7.

Летом 1921 года муфтий Галимджан Баруди, чтобы воочию убедиться в размерах бедствия, объезжал Уфимскую губернию, а в августе им направлено обращение к верховному руководству страны в форме частного письма. В нем изложены причины и масштабы голода среди мусульман Уфимской губернии. Это письмо было найдено не так давно историком Сулейманом Рахимовым в фонде Оренбургского мусульманского духовного собрания. Оно, бесспорно, является свидетельством того, как активно старался муфтий и Центральное духовное управление мусуль-

ман привлечь внимание государственных и общественных организаций к бедственному положению голодающих. Итак, письмо.

*Народному комиссару по делам национальностей гражданину Сталину,
Предсовнаркому Аенину,
Наркомпруду Цюрупа,
Председателю ВЦИК Калинину.*

**Частное письмо председателя
Центрального духовного управления
мусульман Внутренней России Сибири
муфтия Галиева
(Галимджан эл-Баруди-Галиев)**

25 августа 1921 года

Нижеследующие путевые заметки написаны... под впечатлением, полученным во время путешествия с 4-го июня по 6 июля 1921 года среди населения (по преимуществу мусульманского) Белебеевского, Уфимского и отчасти Стерлитамакского уездов Уфимской губернии.

...Весной сего года мусульмане посеяли все семена, какие только имели, но семян у них хватило лишь на одну третью часть полей, а две трети полей, частично в обработанном виде, пустуют. Озимые хлеба совершенно безнадежны, так что не вернут и семян.

...Население уже голодает и принуждено питаться листьями и корой деревьев, и разными кореньями.

...От голода и некультурности среди населения распространяются разные болезни, в конце июня во многих местах появилась холера; меры борьбы с ней ничтожны; врачей и лекарств не хватает, народ погибает.

...Во многих местах начался уход из деревни, носящий характер беспорядочного бегства неизвестно куда. Вследствие непланомерности и беспорядочности этого переселения многие из беженцев гибнут: то и дело видны кошмарные картины умирающих и даже непохороненных трупов близ вокзалов и дорог.

...Ужасы эти главным образом встречаются среди мусульманского населения, и в особенности среди башкир. При виде всего этого поневоле приходят в голову мысли, что мусульманское население Уфимской губернии обречено на вымирание.

...Одной из причин этого страшного положения я считаю следующее: зимою и весной 1921 года аген-

ты местной продовольственной власти, не знакомые с местными условиями, при выполнении разверстки забрали весь оказавшийся на руках у мусульманского населения хлеб, не принимая в расчет ни его продовольствие, ни семенную нужду. Мусульмане, как элемент по природе наиболее лояльный, при том еще напуганный и угнетавшийся при старой власти, боясь вооруженной команды и строгостей местных агентов новой власти, никаким способом ничего не могли оставить себе на продовольствие и семена и выдали весь запас хлеба. Есть, конечно, и другие причины бедственного положения мусульман, вроде их некультурности, некоторой беспечности и причин чисто исторического характера.

...В то время, когда мусульмане, питая высокие надежды, ожидали от Советской власти особой милости и помощи бедным, действия местных властей, никогда не виданные и равные полному разорению населения, так опшеломили последнее, что оно потеряло голову, не может очнуться и... покорно мрет.

Перечитав свои дорожные заметки, я решил послать их в неисправленном виде, а лишь в переводе на русский язык некоторым представителям Центральной власти, в том числе и вам, гражданин Сталин, желая остановить ваше сугубое внимание на этой правде жизни, и надеюсь что Советская власть, при участии вашем, немедленно и в первую очередь выдвинет особые срочные меры помощи беднейшему мусульманскому населению Уфимского края, не дав ему окончательно погибнуть от голода...

В это же время при участии муфтия Баруди было принято специальное «Положение о порядке деятельности Центрального духовного управления Внутренней России и Сибири по оказанию помощи голодающим», по которому муфтият «привлекался в целях использования всех источников и средств для оказания помощи пострадавшему от неурожая населению». Порядок деятельности Духовного управления был определен следующим образом.

Для привлечения средств и целесообразного распределения их между голодающими Духовному управлению представлялись следующие права: обращаться внутри страны и вне ее с возвзваниями о помощи голодающим, особенно к народам мусульманского Востока, с ведома органов власти; организовывать сборы за границей, особенно в странах мусульманского Востока (причем посылки особых

представителей производить с ведома ЦК помгола, ВЦИК и с разрешения надлежащих органов власти); открывать сборы пожертвований в натуре и деньгами внутри страны; устраивать спектакли, концерты, благотворительные вечера, базары и лекции в целях сбора средств для помощи голодающим по соглашению и под контролем местных комиссий помгола; разрабатывать совместно с ЦК помгола планы распределения собранного сообразно с волей жертвователей; участвовать в лице своих местных органов (мухтасибов и мула) в работе местных помголов по распределению собранного между голодающими мусульманами.

Пожертвования, собранные Духовным управлением или его уполномоченными, в чем бы они не заключались, направлялись в ЦК помгола, если они были собраны за пределами страны или вне голодающих районов; и в соответствующий компомгола, если они были собраны в голодающем районе. Эти пожертвования поступали на особый счет Духовного управления и распределялись по заранее разработанному плану.

Специальным положением оговаривались и формы организации мусульманского духовенства в специальные комиссии по оказанию помощи голодающим. Ввиду отсутствия в Москве центрального религиозного управления мусульманского духовенства, Духовное управление образовывало в Москве для ведения дел помощи голодающим особую комиссию уполномоченных в составе трех членов, из которых председатель назначался Духовным управлением из числа своих членов, а два остальных – из числа подведомственных ему духовных лиц. Члены комиссии утверждались в своем звании ЦК помгола. Работая под руководством Духовного управления, комиссия занималась всеми вопросами, связанными со сбором пожертвований, вела учет собранного, разрабатывала совместно с ЦК помгола планы распределения продовольствия, руководила деятельностью мухтасибов и мула и вела переписку от имени Духовного управления со всеми учреждениями по предметам своего ведения.

В специальном положении говорилось, что «..районными органами Духовного управления по оказанию помощи голодающим являются мухтасибы с мушавирами при них по директивам ЦК помгола ВЦИК и комиссии уполномоченных под руководством компомгола. Мухтасибы собирают пожертвования и участвуют в работе местных комиссий Помгола по распределению собранного среди

голодающих мусульман своего района. Местными органами, непосредственно привлекаемыми компомголом к работе по распределению, служат мулы, мухтасибы и мутавалии (приходские понечители). Порядок сбора пожертвований, их направления и отчетность устанавливается особой инструкцией Духовного управления, утвержденной ЦК помголом.. Контроль деятельности Духовного управления в области помгола осуществляется ЦК помгола в центре и губкомомгола на местах через особых уполномоченных на то лиц. Последним предоставляется право присутствовать на заседаниях Комиссии уполномоченных и районных органов..»

Представители Духовного управления, назначенные муфтием, особенно эффективно проявили себя в работе с государственными учреждениями мусульманских стран. После того, как Духовное управление официально обратилось с воззваниями о помощи к странам мусульманского Востока, на призыв немедленно откликнулись мусульмане Финляндии, затем мусульмане Китая, Афганистана и Турции. Турция прислала также и двух своих представителей от Красного Креста в помощь Московской комиссии. В короткий срок удалось наладить отправку собранного продовольствия по линии международной организации Помгол.

В ноябре 1921 года Сталин пригласил муфтия Баруди в Москву – необходимо было обсудить все детали международной деятельности Духовного управления, а также уточнить роль и обязанности мусульманского духовенства по организации помощи голодающим. Муфтий выехал в столицу вместе со своим заместителем Киннафутдином Тарджимановым и секретарем.

* * *

Поезд «Омск-Москва». Едут долго. Секретарь делает время от времени записи.

..Предупредили о случаях нападения голодных на вагоны с целью грабежа. Во время стоянки поезда, при отходе и на ходу поезда проводники у вагонов стоят с винтовками (их у нас двое) и наблюдают за людьми, сидящими на ближайших тормозах или расхаживающими по путям подле вагонов.

..На станции Бугульма голодный люд осаждал вагоны, пытаясь их вскрыть или просверлить отверстие с целью хищения. Борьба с таким явлением не-

легкая, так как желавших достать таким способом хлеб было очень много.

„Среди них мы видели стариков, женщин и детей с изможденными от голода лицами, едва державшихся на ногах. Вид этих людей говорит, что никакие угрозы не страшны, когда голодны.

„За день нашей стоянки на запасных путях было застрелено военной охраной пятнадцать голодных, застигнутых на месте хищения. Суровые меры беспыльны: живой голодный переступает труп убитого, пытаясь достать то, что не успел первый. С трудом удается добираться постановки наших вагонов на пассажирских, более безопасных путях, но и здесь видели, как дети специальными железными прутами тащили через дверные щели рожь...

***

Сталин тепло принял делегацию, заверил, что помочь бывшим колониальным народам – первостепенная задача коммунистов. Удостовериться в этом муфтий Баруди не смог. Шестого декабря, на следующий день

после встречи со Сталиным, он неожиданно почувствовал себя плохо. В тот же день скоропостижно скончался, не дожив одного года до «возраста Пророка». Ему было шестьдесят два года, муфтием он прослужил четыре.

Узнав о случившемся, Сталин распорядился, чтобы выделили два специальных вагона для доставки тела умершего в Казань. Среди провожавших на вокзале были консулы Ирана, Афганистана и Турции.

В Казани состав встречала большая толпа мусульман. Правильную молитву прочитали в доме купцов Галиевых, после чего муфтий был похоронен на кладбище Новотатарской слободы.

Постоянная комиссия уполномоченных от Духовного управления по делам помощи голодющим из трех человек продолжала работать в Москве по сентябрь 1923 года под председательством казыя Духовного управления К. Тарджиманова, регулируя распределение по губерниям продовольствия из мусульманских государств. Этой же комиссией в Москве был организован детский приемник для потерявшихся голодных детей, которых затем отправляли к родственникам.

Глава XIV

СМИРЕННЫЙ БУНТАРЬ

Ризатдин Фахретдинов: детство, духовные источники, жизнь в медресе, притча о птице и яйце. – Опыты в богословии и драматургии. – «Асар», следы, которые одаренные люди оставляют в вечности. – Создание архива Духовного управления. – Коран Османа. – Советская дипломатия, деятельность уфимского муфтията и Первый Всемирный мусульманский конгресс. – Разгром Духовного управления.

1.

Когда взор чист, он зрит чистоту.

Санайи

„Деревня на берегу реки Кичу замкнута полями, и время здесь как будто не движется. Есть упоминания о деревне в Истории Булгарии – «Таварихе Булгария», есть предание о древнем мусульманском селе Шырдан, откуда со своими родственниками бежал, не желая окреститься, бабай Юдаш. Бежал, пока не достиг места слияния речек Кичу и Баний. Деревню Юдашево,

названную по имени основателя, со временем стали называть Кичучат или Кичучатово; «кичу» – значит «брод».

Люди здесь заняты тяжелым и медленным крестьянским делом, и вопросы о строении веществ, в сущности, доходят только до мыслей о строении дерева – объясняется, почему втулка тележного колеса делается из березового ствола, а не из дубового – чтоб не раскололась. События и изменения жизни происходят где-то за полями, за дальним холмом и к границам села не подходят. Здесь люди живут без железной дороги и паровоза, но и без них люди могут нахать землю, жениться